С. А. ТОКАРЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ НА ОСТРОВАХ ТОНГА

1

Многочисленные острова Океании представляют собой в настоящее время колонии империализма. Их формальный политический статус различен: там есть и собственно колонии, и подопечные территории, и просто территории, и морские юрисдикции, и доминионы, и кондоминиумы... На деле — все это страны, в той или иной форме порабощенные империализмом. Многие из них являются ареной борьбы между крупными державами: США, Британской империей, Францией.

Особое место занимает в числе островов Океании архипелаг Тонга (18—22° ю. ш., 173—176° в. д., общая поверхность 997 *км*², население около 52 тыс. чел.). Этот архипелаг, как и многие другие, входит в систему Британской империи, но на правах протектората, в качестве особого «королевства Тонга». Действительно, на островах до сих пор сохранилась местная королевская династия: там царствует сейчас королева Шарлотта (по местному произношению Салоте), отпрыск древних аристократических фамилий.

Можно ли считать простой случайностью это сохранение единственного туземного королевства среди простых колоний, управляемых британской или американской администрацией? Никоим образом. Перед нами вполне закономерный результат развития на островах Тонга своеобразного общественного строя. Забегая вперед, скажем, что на Тонга в полной силе сохранилось господство старой земельной аристократии, которая при поддержке британского империализма доныне удерживает свои экономические и политические позиции. Эта феодальная по своей природе знать и составляет классовую основу королевства Тонга.

Как же сложился этот своеобразный общественный строй на Тонга? Вопрос этот чрезвычайно интересен, и не только потому, что решение его позволяет понять современное политическое положение на данном архипелаге. Нет, значение вопроса гораздо шире: исследуя его, мы можем заглянуть глубоко в тайны исторического процесса, в ходе которого первобытно-общинный строй, разлагаясь, давал начало классовому строю общества.

2

Энгельс, исследуя формы разложения первобытно-общинного родового строя и происхождение классов и государства, выделил, как известно, три основные формы этого процесса, которые он проиллюстрировал на конкретных примерах древних Афин, Рима и древних германцев. Пример Афин он признал «самой чистой, наиболее классической формой» по той причине, что «здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых антагонизмов, развивающихся внутри самого родового общества» [1]. В Афинах государство возникло «в чистом виде, без

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 175.

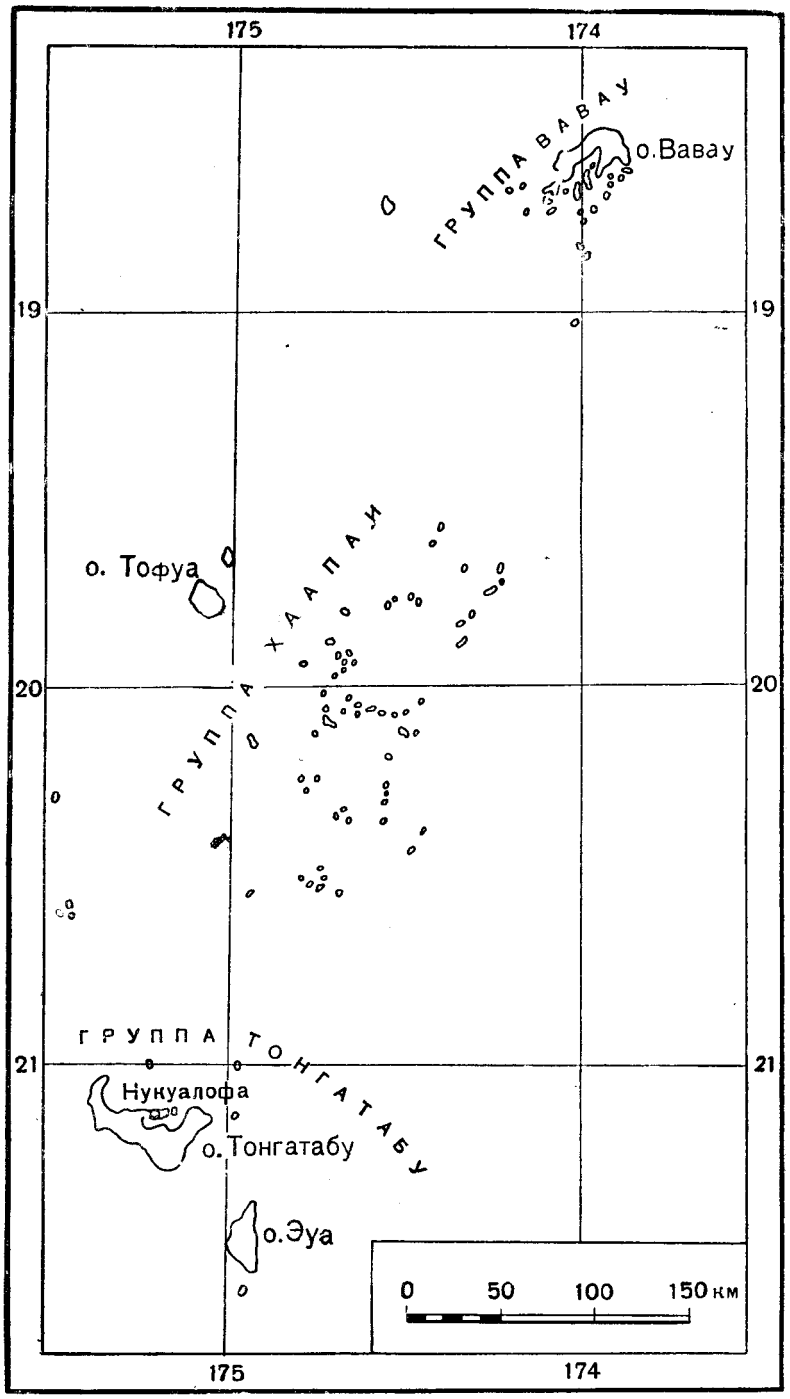

Рис. 1. Архипелаг Тонга

всякого вмешательства внешнего или внутреннего насилия» [2]. Это, как известно, все же довольно редкий в истории случай, но тем важнее он для исторической науки — для понимания самого механизма распада первобытно-общинного строя.

[2] Там же, стр. 123.

В Афинах государство образовалось как орган власти сложившегося господствующего класса рабовладельцев. Этим господствующим классом стала старая родовая знать, «благородные» (эвпатриды), которые уже в гомеровскую эпоху занимали влиятельное, хотя еще не абсолютно господствующее, положение в обществе. Превращение этих благородных в командующий рабовладельческий класс — процесс, хорошо изученный историками и прекрасно охарактеризованный Энгельсом. Но остается одна неясная сторона в этом процессе — его начальный этап: остается неясным, каким образом выделилась в ходе разложения родового строя родовая аристократия? Как происходило обособление ее от массы сородичей, как начала она противопоставлять себя этой массе? У греков эта начальная стадия процесса разложения первобытной общины происходила в отдаленные, «догомеровские» времена, не освещаемые никакими письменными или иными источниками.

Здесь-то на помощь и приходит этнографический материал, касающийся тех народов, у которых разложение первобытно-общинного строя происходило в новейшее время, как бы на глазах исследователей. Особую ценность представляют, в частности, сведения об общественном строе коренного населения Полинезии, в том числе тонганцев. Дело в том, что на небольших уединенных островках и архипелагах Полинезии процесс общественного развития происходил в значительной мере в силу чисто внутренних причин, при минимальном воздействии каких-либо внешних факторов — завоеваний и т. п.

Важно отметить и то, что процесс этот шел на островах Тонга, как и на других островах Полинезии, сравнительно недавно, и ранние его этапы восстанавливаются довольно ясно по местным преданиям, которые у полинезийцев вообще очень многочисленны и точны, а частично — на сравнительном материале соседних и родственных меланезийцев; более поздние же этапы зафиксированы сообщениями непосредственных наблюдателей.

3

Предания тонганцев с точным перечислением имен предков восходят примерно до X в. По этим преданиям можно восстановить важнейшие события, происходившие на островах, и приблизительно их датировать. Письменности своей на островах Тонга, однако, не было, как не было ее и на других архипелагах Океании; даже знаменитое письмо о. Пасхи, сохранившееся в столь скудных остатках, до сих пор еще не может служить настоящим историческим источником.

Письменные известия об островах Тонга появляются со времени открытия этих островов европейскими мореплавателями. Первыми побывали здесь голландцы Лемэр и Скоутен (1616), за ними голландец же Абель Тасман (1643). Затем после более чем столетнего перерыва острова посетили английские моряки Уоллис (1767) и Кук (1773—1774 и 1777 гг.). Кук дал первое, хотя и краткое их описание и назвал их, за гостеприимство и мирные обычаи, «Островами Дружбы» (Friendly Islands). Вскоре у берегов Тонга побывал (1787) французский мореплаватель Лаперуз (плавание которого закончилось трагической гибелью), а затем Д'Антрекасто и Лабиллярдьер (1783) [3].

С конца XVIII в. в водах Тихого океана все чаще стали появляться корабли европейских торговцев, иной раз и пиратов, реже — военные суда. Одно из английских военных судов — корабль «Порт-о-Прэнс», действовавшее против Испании, во время стоянки у берегов Тонга (1806) было вследствие легкомыслия капитана и экипажа захвачено островитянами.

[3] J. Cook, A voyage towards the South pole and round the world... 1772—75, L., 1777, т. I; Дж. Кук, Путешествие к Южному полюсу и вокруг света, М., 1948; Voyage de La Pérouse autour du monde, P., 1933; Labillardière, Relation du voyage à la recherche de La Pérouse... Paris, an VIII de R. F. (1799), тт. 1—2.

В числе взятых ими в плен англичан был 15-летний Уильям Маринер, секретарь (клерк) капитана. Способный и наблюдательный юноша прожил на островах четыре года, находясь под покровительством короля Финоу и его семьи; он хорошо изучил местный язык, был свидетелем и даже участником многих событий, происходивших за это время. Островитяне ничего не скрывали от своего пленника, к которому относились дружелюбно. Впоследствии они отпустили его на попутном китобойном судне на родину (1810). Вернувшись в Англию, Маринер частью записал, частью рассказал устно свои впечатления и воспоминания о пребывании на Тонга своему другу Джону Мартину, который и издал эти воспоминания [4]. Сообщения Маринера представляют собой прекрасный, хотя во многих отношениях, конечно, неполный источник для изучения общественного строя тонганцев.

После отъезда Маринера прерывается сплошная нить повествования о событиях на островах Тонга. Через 17 лет острова посетил французский капитан Дюмон-Дюрвиль (1827); его сообщения отчасти заполняют этот пробел.

События, происходившие на островах после этого, в течение XIX и начала XX в., известны по сообщениям случайных путешественников, по отчетам миссионеров, по официальным актам, по устным рассказам островитян. Одним из интересных сообщений, относящимся к 1880-м годам, обязаны мы Н. Н. Миклухо-Маклаю, который, хотя сам и не был на Тонга, но в свою последнюю поездку в Австралию (1887) собрал через местную прессу сведения о жестокой борьбе между островитянами и миссионерами, вызванной деятельностью последних [5].

В новейшее время обстоятельное описание общественного устройства островитян Тонга составил Эдуард Гиффорд, участник экспедиции гавайского «Музея Бишопа». Гиффорд провел на островах девять месяцев (1920—1921) и собрал обильный материал как по современному быту островитян, так и по их преданиям о прошлом [6]. Некоторым дополнением к материалам Гиффорда могут служить записи супругов Эрнеста и Пирл Биглхол (1938—1939), монографически обследовавших деревню Пангаи на самом северном острове архипелага — о. Вавау [7]. Есть и еще несколько новых сообщений, касающихся о-вов Тонга.

Важнейшими источниками для изучения социального строя островитян Тонга являются, таким образом, описания Маринера и Гиффорда. Разделенные более чем столетним промежутком, они прекрасно дополняют друг друга. Данные обоих авторов, правда, кое в чем расходятся, и эти расхождения не всегда объясняются переменами, происшедшими за столетие,— отчасти они говорят и о неточности и пробелах в сообщениях того или другого наблюдателя. Но вместе с прочими перечисленными выше источниками сведения Маринера и Гиффорда дают возможность нарисовать примерную картину развития общественного строя жителей Тонга на протяжении почти двух столетий, а частью и проникнуть глубже в их историческое прошлое.

4

Острова Тонга, вместе с архипелагом Самоа и небольшими островками Увеа, Футуна, Ниуэ и другими, составляют так называемую Западную Полинезию. Теперь довольно точно установлено, что эти острова, как и другие части огромного островного мира Полинезии, заселялись в I ты-

[4] J. Martin, An account of the natives of the Tonga islands..., Compiled and arranged from the extensive communications of M. Will. Mariner, 2-е изд., тт. I—II, London, 1818.

[5] Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II, М.—Л., 1950, стр. 624—628.

[6] E. W. Gifford, Tongan Society, B. P. Bishop Museum, bull. 161, Honolulu, 1929.

[7] E. and P. Beaglehole, Pangai village in Tonga, Wellington, 1941.

сячелетии н. э. Это была эпоха великих переселений предков полинезийцев, смелых мореходов, которые на своих небольших, но искусно построенных лодках с балансиром и парусом отважно бороздили воды безбрежного океана. Переселения предков полинезийцев не были вынужденными плаваниями рыбачьих лодок, случайно заносимых течением или штормом на отдаленные острова: это были планомерные, организованные путешествия. За разведочными плаваниями на поиски новых необитаемых островов следовали хорошо подготовленные экспедиции; люди плыли с женами и детьми, брали с собой семена культурных растений, брали своих домашних животных. Все новые и новые острова заселялись и вовлекались в культуру. К XV в. были освоены все острова Тихого океана, кроме непригодных для обитания рифов.

Предки полинезийцев стояли в эпоху переселений, видимо, на стадии родового строя, хотя очень вероятно, что сами переселения ускоряли его разложение. В новейшее время, когда в Океании появились европейские колонисты, у полинезийцев сохранялись лишь следы прежнего материнского рода, но отцовский род у них не сложился: вместо него на большинстве островов образовались большие патриархальные семьи и сельские общины. На тропических островах Океании переселенцы развили высокую культуру, основанную на интенсивном земледелии. Разделение труда было значительным, выделялись ремесленные профессии, в которых уровень мастерства был иногда поразительно высок.

Особенно развита была земледельческая культура на островах Тонга — это бросилось в глаза уже первым европейцам. Кук, посетивший в 1773 г. о. Тонгатабу (его тогда называли о. Амстердам), писал: «Почти весь остров Амстердам покрыт полями и садами. Здесь растут кокосовые пальмы, бананы, хлебные деревья, ямс и сахарный тростник...» [8]. «Мне казалось, что я очутился на самых плодородных полях Европы. Тут не было ни дюйма пустующей земли. Дороги занимали не больше места, чем это было необходимо. Изгороди отстояли всего на 4 дюйма от обочин, и даже пространство между ними и полотном дороги не терялось даром: полезные растения или деревья насаждались и здесь. Такую картину можно было наблюдать повсеместно. Нигде природа с помощью небольшой доли человеческого знания не являлась с большим блеском, чем на этом острове» [9]. Разумеется, природа давала островитянам все это не даром. «Довести свои поля до столь цветущего состояния удалось им лишь ценой непрестанного и упорного труда. Но труд этот сторицей вознаграждается изобилием, которое приносит отлично возделанная земля. Всем необходимым для существования владеют островитяне» [10]. Кроме земледелия, тонганцы занимались рыболовством, имели домашних животных — свиней и кур [11].

Чрезвычайно высоко стояла у тонганцев техника некоторых ремесел. Тот же Кук был поражен мастерством тонганских судостроителей. «Ничто в такой степени не свидетельствует об изобретательности островитян,— писал он,— как их каное. В технике изготовления каное, в изумительном совершенстве конструкции их с туземцами острова Амстердам не могут сравниться их ближние и дальние соседи» [12]. Лодки были простые с балансиром и двойные, те и другие могли ходить и на веслах, и под парусом. Кук говорил также о необычайном искусстве в пользовании каменными, ко-

---

[8] Д. Кук, Путешествие к Южному полюсу и вокруг света, М., 1948, стр. 182.
[9] Там же, стр. 174.
[10] Там же, стр. 190.
[11] Объективным подтверждением мнения Кука о природных богатствах Тонга служит его же заметка о результатах торговли с островитянами. «За краткое время пребывания на острове Амстердам (Тонгатабу.— *С. Т.*),— пишет Кук,— мы приобрели 150 свиней, 300 птиц и большое количество бананов, кокосовых орехов и плодов хлебного дерева. Уже одно перечисление того, что было заготовлено нами, свидетельствует о необыкновенном плодородии и богатстве этого острова» (Указ. раб., стр. 180).
[12] Д. Кук, Указ. раб., стр. 183.

стяными и раковинными орудиями [13], отмечал поразительное изящество плетеных тонких циновок островитян и прекрасные качества других различных изделий [14].

5

Достигнутый тонганцами сравнительно высокий уровень развития производительных сил, изобилие и относительное разнообразие получаемых продуктов труда — все это создавало условия для внутреннего расслоения общин. И в самом деле, распад древних родовых связей зашел у тонганцев дальше, чем на некоторых других архипелагах Полинезии, например на соседних островах Самоа и тем более на Новой Зеландии, где у маорийцев родоплеменные формы быта держались еще очень прочно.

Это видно лучше всего на формах собственности. В то время как на Новой Зеландии, на Самоа и на некоторых других архипелагах Полинезии еще недавно удерживалась общинная собственность на землю, у тонганцев уже к концу XVIII в., а может быть и раньше, она успела смениться частной земельной собственностью. На это обратил внимание впервые опять-таки Кук. «Я считаю,— писал он,— что вся земля на Тонгатабу находится в частной собственности, и на земле этой, как и на Таити, сидят зависимые от вождей люди — слуги и рабы, не имеющие собственных наделов» [15].

Более поздние и детальные исследования подтвердили правильность этого наблюдения. Изучавший земельные отношения в Полинезии У. Александер в 1888 г. отмечал: «Переходя от трех других западных групп (т. е. от Новой Зеландии, Самоа и Фиджи.— *С. Т.*) к Тонга, мы находим замечательную и поразительную перемену в политических учреждениях, в земельном держании и в общественных обычаях. Одним словом, мы, если не географически, то политически находимся уже в Восточной Полинезии. Здесь нет организованных сельских общин или кланов, совместного держания земли, а есть вполне развитая феодальная система и сильно централизованное правительство. Патриархальный глава клана превратился в лендлорда, а сородичи (clansmen), привязанные к своему вождю узами родства, стали его держателями и подданными» [16]. Охарактеризованная в этих словах чисто «феодальная» система землевладения сложилась в таком виде, правда, лишь к концу XIX в., но зачатки ее существовали уже до прихода европейцев. Уже тогда вся земля считалась принадлежащей вождям на наследственном праве. Непосредственные производители были лишь держателями земли и за пользование ею платили вождям установленный оброк и несли повинности.

Уже первым европейским путешественникам бросалось в глаза наличие резко разграниченных рангов среди населения островов Тонга. По словам Кука, «образ правления» здесь «сходен с таитянским. Имеется король или великий вождь с титулом «арике» [17], ниже его следуют другие вожди — властители отдельных округов и, быть может, землевладельцы, которым подчиняются прочие туземцы. Есть еще особы третьего ранга...» [18]. Обстоятельную характеристику общественных рангов среди населения Тонга дал Маринер. Судя по его сообщениям, в начале XIX в. там были следующие социальные группы: 1) «эги» — вожди и их ближайшие родственники; 2) «матабуле» — свита или советники вождей; 3) «муа» — по-

---

[13] Там же, стр. 184.
[14] Там же, стр. 187.
[15] Там же, стр. 189.
[16] Цит. по E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 171.
[17] Кук ошибочно приписывает этот термин, который он, видимо, слышал от своих таитянских переводчиков, тонганцам: на Тонга вожди обозначались не общеполинезийским словом «арики», а «эги».
[18] Д. Кук, Указ. раб., стр. 189.

томки и младшие родственники матабуле; 4) «туа» — простой народ, земледельцы [19].

Эта традиция, несколько видоизменившись, просуществовала до наших дней. Гиффорд, на основании сообщений самих тонганцев, различает три основных «класса» среди населения: 1) вожди («хоуеики»), 2) их свита («матапуле») и 3) общинники («туа») [20]. В этом перечне, по сравнению со сведениями Маринера, не хватает муа, но муа, по словам самих тонганцев, записанным Гиффордом, не есть термин, относящийся к определенной социальной группе,— слово это означает просто лицо, стоящее выше кого-нибудь; в зависимости от обстоятельств так можно назвать и вождя, и матабуле. Впрочем, и матабуле (матапуле) не составляют, по Гиффорду, особого ранга — это скорее должность советника или помощника вождя; любой вождь и сам мог быть матабуле у более высокого вождя [21]. Зато, помимо перечисленных социальных рангов, или «классов», Гиффорд называет еще один, который в прошлом составлял самый низший слой населения: это рабы («попула», или «хопоате»). Рабами становились военнопленные.

Вопрос о рабах, однако, неясен: сейчас их нет, и Гиффорд заключает о их наличии в прошлом только из сообщений своих информаторов. Но странно, что более ранние источники не дают нам почти никаких указаний на рабство у островитян Тонга [22]. Маринер ни разу, даже и при подробном описании рангов среди населения, не упоминает о рабах. Если они в его время существовали, то одно из двух: либо он не упоминает о них потому, что не умел отличать рабов от простых общинников-земледельцев (туа), либо рабы-военнопленные считались, как это было на некоторых других архипелагах Полинезии [23], стоящими как бы вне общественного строя, своего рода чужеземцами, и поэтому Маринер не счел нужным или не нашел повода о них рассказать. То и другое возможно, ибо Маринер за свое четырехлетнее пребывание на Тонга общался главным образом с людьми из общественной верхушки, с вождями и матабуле, о которых только и повествует в своей книге, бытом же простого народа он мало интересовался [24]. Но возможно, что рабство, тесно связанное с междоусобными войнами, еще не успело во времена Маринера широко распространиться на Тонга: те годы были лишь началом продолжительного периода усобиц и завоеваний. Об этом будет более подробно рассказано ниже.

6

Оставляя пока вопрос о рабах-военнопленных в стороне, мы видим, что население островов Тонга уже к концу XVIII в. расслоилось на довольно резко обособленные социальные группы, по существу — общественные классы. Основными из них были крупные землевладельцы, с одной стороны, и зависимые земледельцы, держатели земли, с другой. Этих послед-

[19] J. Martin, Указ. раб., т. II, стр. 81—87.

[20] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 108.

[21] См. там же, стр. 108, 111.

[22] Кук упоминает вскользь о «слугах» и «рабах» (точнее — «слугах или рабах» — «servants or slaves», см. J. Cook, A voyage towards the South pole..., т. I, стр. 223), сидящих на землях вождей (см. выше, стр. 125). Но не совсем ясно, какого рода зависимых людей имеет он здесь в виду. Судя по контексту, едва ли это были настоящие рабы: сразу же за фразой о «слугах» и «рабах» Кук пишет, что «личный интерес воодушевляет людей и способствует предприимчивости, и мало кто согласился бы обрабатывать и возделывать землю, если бы заранее знал, что не воспользуется плодами своей работы...» (Кук, Указ. раб., стр. 189). Земледелец, рассчитывающий сам «воспользоваться плодами своей работы»,— конечно, не может считаться рабом.

[23] Ср. Г. Нибур, Рабство как система хозяйства, М., 1907, стр. 98—102.

[24] В нарративной части сообщений Маринера есть намеки на существование рабства. Он рассказывает, например, как во время войны победители захватили в плен 13 женщин и хотели их убить, но предпочли оставить в живых, чтобы они изготовляли тапу и прочие изделия (J. Martin, Указ. раб., т. I, стр. 214—215).

них — туа, разумеется, никоим образом нельзя приравнивать к рабам. Это были непосредственные производители, не отделенные от средств производства (земли), сидевшие на своих наследственных наделах. Сами тонганцы считали туа — об этом будет более подробно сказано дальше — как бы младшими родственниками муа и других стоящих выше членов общества,— что никак не приложимо к рабам.

Мы, к сожалению, не можем проследить на конкретных фактах, как именно происходил захват общинных земель родовой верхушкой — знатными семьями вождей: процесс этот уже закончился в те годы, о которых у нас имеются первые письменные свидетельства, и уже Кук нашел, как мы видели, что вся земля на Тонга «находится в частной собственности». Но что именно таков был ход развития,— в этом едва ли можно сомневаться. Это подтверждается сравнением с соседним Самоанским архипелагом и с Новой Зеландией, где захват общинной земли племенной знатью происходил позже, в XIX в., а частью не закончился еще и теперь. Существенным условием здесь была ограниченность запаса земли: плотность населения на Тонга была и остается выше, чем на большинстве других островов Полинезии,— она достигала, видимо, уже давно 30 чел. на 1 *км*^{2}. Отсутствие свободных земель ускоряло захват наличных угодий господствующими группами. Не случайно же на более обширных островах Океании темп общественного развития был более замедленным; из числа полинезийских островов это можно особенно отметить для огромного двойного острова Новой Зеландии, где недостатка в земле никогда — до появления европейских колонизаторов — не ощущалось. Это же можно отметить и для больших, сравнительно слабо заселенных островов Меланезии.

При сравнительной густоте населения Тонга там, однако, вплоть до начала XIX в. компактных поселений-деревень не было, население жило разбросанно, однодворками. «Густая сеть дорог,— писал Кук,— прорезывает остров во всех направлениях. Селений и городов здесь нет. Отдельно стоящие дома располагаются в садах или на полях» [25]. По сообщениям Маринера, каждый эги (вождь) жил в особом поместье, окруженный свитой из матабуле, которые были исполнителями его приказов, надсмотрщиками над его полями и садами; его окружали также муа и более многочисленные туа, которые обрабатывали землю. Туа жили также и на землях вождя, расположенных в других местностях. Они были обязаны определенной данью в пользу вождя. Дань состояла из ямса, кокосов, рыбы, свиней, домашней птицы, циновок, тапы и прочих предметов. Точно установленного размера дани не существовало, и каждый уплачивал ее сообразно своему достатку. Едва ли она была особенно велика и обременительна: при слабо развитом обмене вожди и не могли бы потребить большого количества пищи или ремесленных изделий. Но первые плоды, первый улов рыбы всегда принадлежали вождю: только поднеся вождю эту дань, земледелец, рыбак могли пользоваться продуктом своего труда. За нарушение этих обычаев вождь мог, рассердившись на своего данника, отнять у него все имущество.

Таким образом, земледельцы-туа сидели на землях, которые считались принадлежащими вождям, и были обязаны платить им за это дань. Это была поземельная экономическая зависимость.

Ею, однако, дело, по-видимому, не ограничивалось: была налицо и личная зависимость земледельца от вождя, хотя об этом наши сведения неясны. По данным Гиффорда, «в старые времена общинник не мог переходить от одного вождя к другому»; не только туа, но и матабуле были прикреплены к своему вождю: «туа или матабуле, который покинул вождя, мог быть убит» [26].

---

[25] Д. Кук, Указ. раб., стр. 182.
[26] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 110.

Перед нами, таким образом, процесс развития крупной земельной собственности и сосредоточения власти в руках землевладельцев — процесс, начало которого уходит в далекие времена, вероятно, задолго до появления европейцев.

Несмотря на это, кое-какие следы прежней общинной собственности сохранились до новейшего времени. Остатками древних общинных земельных прав можно считать право прибрежных жителей пользоваться рыболовными угодьями (с известными ограничениями в пользу вождей — владельцев прилегающей земли), коллективное огораживание деревень. Колодцы и цистерны для собирания дождевой воды составляют также предмет общественного пользования, но теперь и они считаются принадлежащими вождям [27].

Пережитками древней общинной организации можно считать те навыки коллективного труда, наличие которых и сейчас еще отмечают наблюдатели. Так, по свидетельству супругов Биглхол (1938—1939), тонганский земледелец всегда предпочитает работать в компании, а не в одиночку [28]; в тонганском языке есть несколько разных обозначений для коллективного труда, в зависимости от того, работают ли близкие родственники или более крупная группа мужчин, не состоящая из родственников, или группа женщин и т. п. [29]. Известен также обычай соседских помочей — привлечение односельчан зажиточными хозяевами за угощение для крупных работ вроде постройки дома или расчистки заросшей земли [30].

Первобытно-общинные традиции сохранялись до недавнего времени в самих понятиях тонганцев о собственности. Что земля принадлежит вождям, это тонганцы знали твердо, но в отношении продуктов человеческого труда, предметов личного пользования, особенно пищи, понятия об индивидуальных правах собственности были очень смутными. По тонганским обычаям, запасы пищи, в чьем бы доме они ни хранились, были как бы общей собственностью: голодный человек мог войти в любую хижину, взять и съесть то, что там найдет, не спрашивая хозяев. Маринер рассказывает по этому поводу, что ему самому и другим пленникам в первое время пребывания на островах приходилось часто терпеть голод, но не из-за жестокости островитян, а просто потому, что последние и не догадывались предложить им пищу, предполагая, что, если они хотят, то могут взять сами в первом попавшемся доме. По рассказу Маринера, тонганцы были немало удивлены, узнав от него, что в Англии господствуют другие обычаи на этот счет; они смеялись по этому поводу над эгоизмом европейцев [31].

Этими же первобытно-общинными понятиями о собственности, господствовавшими у островитян, объясняются и те постоянные обвинения в «наклонности к воровству», которые мы находим в сообщениях ранних европейских мореплавателей по адресу и тонганцев, и других обитателей Океании. Для полинезийца взять из любопытства носовой платок или шляпу «белого» — отнюдь не представлялось преступлением; они и сами зато радушно угощали европейских моряков съестными припасами и пр. Но совершавшиеся туземцами «кражи» нередко служили поводом к тому, что капитан судна приказывал стрелять в них,— и вот лилась человеческая кровь, и из-за несоответствия между первобытно-общинными и буржуазными понятиями о собственности возникала длительная вражда, переходившая в кровавые столкновения островитян с европейцами.

---

[27] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 177—178.
[28] E. and P. Beaglehole, Указ. раб., стр. 31.
[29] Там же, стр. 31—32.
[30] Там же, стр. 26, 33.
[31] J. Martin, Указ. раб., т. 1, стр. 64—65.

Но это сохранение до недавнего времени первобытно-общинных представлений о собственности, когда уже сам общественный строй стал давно классовым,— не означает ничего иного, как отставание общественного сознания от общественного бытия. Нормы обычного права сохраняли (частично) еще первобытно-общинный характер, когда в самой жизни первобытно-общинные отношения уже отошли в прошлое.

7

А что они отошли в прошлое уже достаточно давно, об этом свидетельствуют два факта, которые могут служить косвенным подтверждением резкости классовых противоречий в тонганском обществе и подтверждением того, что эти противоречия родились не со вчерашнего дня. Речь идет об отражении классовых противоречий в языке и в религиозных верованиях.

В тонганском языке классовый строй общества отразился очень наглядно: ряд понятий выражается в этом языке разными словами в зависимости от того, относятся ли они к простым общинникам или к вождям; разговаривает ли человек с лицом равным ему по рангу, с высшим или с низшим. Тонганский язык заключает в себе поэтому по три параллельных слова для каждого из таких понятий: одни относятся к простому народу, другие к средним вождям, третьи к высшим вождям. Например, глагол «бежать» передается в первом случае словом «пуна», во втором — «леле», в третьем — «тофуси»; «спать» — в первом случае словом «мохе», во втором — «тока», в третьем — «тофа». Понятие «голова» передается в этих трех случаях словами «улу», «фофонга» и «ланги»; «мертвый» — «мате», «пекиа» и «хала»; «больной» — «фокоутуа», «тенгетанге» и «палухи», и т. д.[32].

Подобное явление встречается, как известно, и в некоторых других языках, например в яванском, японском. Оно не совсем чуждо и европейским языкам. К «классовым языкам» Марра это явление не имеет никакого отношения, но факт отражения в языке классовых противоречий свидетельствует о достаточно резком их обострении в обществе.

В религиозных верованиях тонганцев классовые различия тоже отразились очень характерным образом. Их старый пантеон богов и духов почти в точности воспроизводил структуру тонганского общества. Во главе пантеона стояли великие боги — имена их знали только вожди и жрецы, простой народ не имел к ним никакого отношения. Вторую категорию богов составляли души умерших вождей, сохранившие по смерти свой земной ранг; третью категорию — души умерших матабуле. Ниже их шли прислужники богов, еще ниже — мелкие злые духи и пр. [33].

Очень интересно представление тонганцев о загробном мире, отмеченное Маринером. Этот загробный мир, оказывается, составлял удел только знати: души вождей, матабуле, муа отправлялись в царство душ, занимая там место, соответствующее их рангу; души же простых людей — туа — погибали сразу после смерти [34]. Трудно найти более яркий пример прямого отражения классовой структуры общества в религиозных представлениях [35].

---

[32] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 119—122.
[33] J. Martin, Указ. раб., т. II, стр. 103—112.
[34] Там же, стр. 128—130; т. 1, стр. 55.
[35] Однако история религии показывает, что дальнейшее обострение классовых противоречий приводит к иному представлению — как раз обратному: к идее загробного воздаяния, согласно которой человек, терпящий в этой жизни горе, угнетение, будет вознагражден загробным блаженством и наоборот. Это учение вырабатывалось жрецами разных религий уже при развитом классовом общественном строе для удержания в покорности угнетенных народных масс. Такой стадии классового антагонизма тонганцы и другие полинезийцы не достигли.

8

Итак на островах Тонга уже в конце XVIII в. существовали общественные классы: крупные землевладельцы-вожди и зависимые земледельцы (туа), держатели земли. Каким образом сформировались эти группы? Какими путями шло разложение первобытных родовых общин, которое привело к появлению этих противостоящих друг другу общественных классов?

Основным условием, которое сделало возможным классовое расслоение в тонганском обществе, выделение господствующего класса землевладельцев, было развитие производительных сил. Наиболее существенным его проявлением было начавшееся общественное разделение труда: производительность земледельческого труда достигла такого уровня, что стало возможным отделение ремесленного труда от земледельческого.

Отделение ремесла от земледелия на Тонга, как и на других островах Полинезии, существовало уже издавна: высокоразвитое мастерство в ряде производств требовало профессиональной выучки,— отсюда наследственность многих ремесленных профессий. Они были весьма неодинаковы по своему социальному престижу и были связаны с определенными общественными рангами.

К числу наиболее почетных наследственных профессий принадлежали, по сообщениям Маринера, строительство лодок, резьба по китовому усу, погребальные обряды. Этими профессиями могли заниматься только матабуле или муа, но не туа. Другие профессии были тоже наследственными, но менее почетными: таковы были занятия каменщиков, плетельщиков сетей, рыбаков (моряков), строителей больших домов. Эти занятия матабуле считали ниже своего достоинства, предоставляя их муа или туа. Наконец, такие наследственные профессии, как земледелие или приготовление пищи для знатных, были уделом исключительно туа. Были и профессии не наследственные, однако они тоже распределялись по рангам: это были профессии татуировщиков, резчиков боевых палиц, цирюльников. Этими ремеслами могли заниматься муа или туа (но не матабуле), а ремеслом цирюльника — только одни туа [36]. Наконец, были занятия вообще не профессиональные, доступные одинаково всем; они делились только на мужские и женские. К первым причислялась народная хирургия (несколько странный факт, так как обычно народная медицина и хирургия требуют специальных знаний), а также постройка укреплений, изготовление веревок, луков, стрел, палиц, копий; ко вторым — изготовление тапы (материя из битой коры), плетение циновок, корзин, производство разных мелких вещей, гребней, нитей и пр.[37].

Тенденция к взаимному обособлению и наследственности ремесленных профессий, при их социальной неравноценности, выделении почетных и не почетных профессий, есть не что иное, как зачатки кастовой организации общества. На Тонга, однако, этот процесс далеко зайти не мог: этому препятствовало, во-первых, отсутствие строгой наследственности в самих общественных рангах, их текучесть, возможность для человека при известных условиях переходить из низшего ранга в более высокий; во-вторых, настоящий кастовый строй едва ли мог бы развиться на Тонга, где совершенно исчезла общинная земельная собственность: ведь именно сельская община составляла подлинную основу кастового строя в древнем Египте и в Индии.

Тем не менее несомненно, что выделение ряда ремесленных занятий в наследственные профессии, тенденция к закреплению связи их с определенным общественным рангом — все это усложняло процесс разложения первобытно-общинного строя на Тонга. Внимательное изучение матери-

[36] J. Martin, Указ. раб., т. II, стр. 87—90, 263—281 сл.; E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 143—144.

[37] J. Martin, Указ. раб., т. II, стр. 262—263.

ала, собранного Маринером, приводит к совершенно определенному выводу, что в его время так называемые муа представляли собой не столько младших потомков матабуле, как полагал сам Маринер, сколько попросту ремесленников [38]. А туа — это не что иное, как земледельцы-крестьяне: ни один муа или матабуле не снисходил до обработки земли. Впоследствии это разделение труда перестало действовать как самостоятельная общественная сила: крестьяне были прочно закрепощены, а ремесленные занятия, видимо, пришли в упадок в связи с проникновением капитализма, наплывом европейских товаров, разрушением туземной экономики. Не этим ли, кстати, можно объяснить тот факт, что уже в 1920-х годах информаторы Гиффорда отрицали существование муа как особой социальной группы? В таком случае это расхождение с сообщениями Маринера становится вполне понятным.

9

Но рост производительных сил и общественное разделение труда как проявление этого роста составляли лишь основное условие, сделавшее возможным классовое расслоение, выделение имущей верхушки, захват ею основного средства производства — земли. Самый же механизм этого процесса остается у нас еще не рассмотренным. А ведь это тот самый вопрос, который был поставлен нами вначале,— и вопрос, как уже указывалось, вообще наименее ясный в исторической литературе. Самое неясное в проблеме возникновения общественных классов не то, при каких исторических условиях и на основе чего они возникали,— это в марксистской науке давно выяснено,— а то, к а к именно они возникали.

Несколько упрощая вопрос, можно сформулировать его так: к т о именно из членов первобытной общины, вначале между собой равноправных, смог выделиться в общине, стать собственником и носителем общественной власти? Почему именно этот, а не другой член общины превратился в представителя господствующего класса?

Тонганский материал помогает осветить этот вопрос.

Среди самих островитян сохранилось до сих пор основанное на преданиях убеждение, что общественные ранги в их среде, деление на вождей, знать, простой народ не связано с войнами, чужеземными завоеваниями, покорением одними племенами других. Они прямо говорили об этом Гиффорду [39]. Это народное предание нельзя принимать безоговорочно, однако в нем есть большая доля истины. В начале XIX в. Маринер застал совсем свежие воспоминания о том недавнем времени почти полного мира, когда войны были редки: так было еще при посещении островов Куком — недаром он назвал их «Островами Дружбы».

По тонганским понятиям, коренящимся в глубоких народных традициях, общественный ранг, т. е. положение человека в обществе, связан прежде всего с принципом первородства, с распадением семейно-родовых групп на старшие и младшие ветви. Для того чтобы понять этот принцип, необходимо сделать некоторое отступление и ближе познакомиться с особенностями у тонганцев кровнородственных отношений, которые, как мы увидим, сыграли чрезвычайно важную роль в формировании общественных классов и которые до сих пор сохраняют свое большое значение в жизни населения.

У тонганцев уже давно нет тех крепких, сплоченных семейных общин, какие сохранились до наших дней на соседнем архипелаге Самоа: здесь

[38] По словам Маринера, бóльшая часть ремесленников принадлежала к рангу муа. Лишь немногие из матабуле занимались ремеслами и только самыми «почетными»; с другой стороны, простые туа допускались только к некоторым ремесленным профессиям — их принуждали заниматься прежде всего земледелием, а также обслуживать знать в качестве поваров и цирюльников (J. M a r t i n, Указ. раб., т. II, стр. 87—90).

[39] E. W. G i f f o r d, Указ. раб., стр. 114—115.

господствует малая семья, еще не успевшая резко обособиться из более крупной родственной группы; в тонганском языке нет даже ее точного обозначения, и теперешние тонганцы пользуются заимствованным из английского словом «famili» [40]. Отдельные семьи связаны между собой родственными узами, которые подчинены с начала до конца принципу старшинства.

Принцип этот неуклонно действует и внутри самой семьи, между членами которой самым строгим образом проводится различие по старшинству. До сих пор в тонганской семье по обычаю старшие приказывают, младшие исполняют приказание; приказ, полученный от старшего, человек должен либо сам выполнить, либо заставить сделать это еще более младшего члена семьи. В детских играх часто бывает, что старшие дети бьют младших, а те покорно терпят, но в свою очередь колотят еще более маленьких [41]. Но принцип старшинства осложняется борьбой между женской и мужской линиями. Древнее материнское право до сих пор дает себя чувствовать, и старинное представление о превосходстве женщин и женского родства сохраняется и сейчас [42]. По сведениям Гиффорда, «женщина всегда выше своего брата рангом, независимо от старшинства, а отсюда следует, что дети женщины всегда выше детей ее брата» [43]. С другой стороны, тот же Гиффорд указывает, что главой семьи считается обычно старший мужчина; его называют «улумотуа» (предок); известны, впрочем, случаи женщин улумотуа [44]. Как бы то ни было, «старшие сестры превосходят рангом младших сестер, а старшие братья — младших братьев» [45]. «Из этих отношений по полу и возрасту становится ясно,— говорит Гиффорд,— что в тонганской семье нет двух человек, равных по рангу» [46]. Эти различия ранга в тонганской семье и в обществе отмечал еще Маринер, но он описывает их несколько иначе, придавая большее значение положению мужчин в семье. По его сведениям, если муж и жена были равного общественного происхождения, то порядок ранга в семье был такой: муж, жена, старший сын, старшая дочь, второй сын, вторая дочь и т. д. [47]. Возможно, что такой порядок получил господство в то время на северных островах архипелага — Хаапаи, Вавау, где как раз и жил Маринер: эти северные острова в большей степени были захвачены происходившими с конца XVIII в. бурными событиями (о них будет речь ниже), и там скорее могли расшататься архаические порядки. Впрочем, и Маринер отмечал крупное значение женской линии родства и происхождения. «В

[40] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 15.

[41] E. and P. Beaglehole, Указ. раб., стр. 83.

[42] Остатки материнского права — даже, можно сказать, матриархата — на островах Тонга вообще заметнее, чем на других архипелагах Полинезии. Некоторые черты материнского права, отсутствующие в Восточной Полинезии, сближают тонганцев и самоанцев с их соседями с запада — фиджийцами и прочими меланезийцами. Сюда относится, например, обычай, предоставляющий сыну сестры (фаху, у фиджийцев вазу) особые права по отношению к своему дяде по матери: он может брать его имущество и пр. Этот обычай (типа авункулата) свидетельствует о большом значении материнского родства. Другой подобный обычай (типа аталычества) — отдача ребенка на воспитание в чужую семью — чаще опять-таки встречается в форме отдачи его в семью брата матери; воспитательницами усыновленных были обычно женщины. Далее все наблюдатели отмечают очень влиятельное положение женщин в семье и общественной жизни у тонганцев. Женщины пользовались большим уважением, держались с достоинством. Интересно, что в земледельческих работах женщины на Тонга не участвовали (в этом отношении тонганцы стояли особняком среди всех остальных обитателей Океании) — их занятиями были плетение циновок, изготовление тапы и т. п. Однако отстранение женщин от земледельческих работ отнюдь не означало, как это принято считать, понижения их общественного положения. Напротив, тонганцы видели в этом знак уважения к женщине, потому что грубая и тяжелая полевая работа, по их мнению, непригодна для слабого пола и лишает дам присущей им женственности. (J. Martin, Указ. раб., т. II, стр. 287—289).

[43] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 17.

[44] Там же, стр. 20.

[45] Там же, стр. 17.

[46] Там же, стр. 18.

[47] J. Martin, Указ. раб., т. II, стр. 84.

каждой семье,— писал он,— знатность передается по женской линии: ибо, где мать не знатного происхождения, там и дети не принадлежат к знати» [48].

Гиффорд полагает, что именно из этого неравноправия между членами одной и той же семьи и вырастали постепенно различия социального ранга. Старшие пользовались преимуществами перед младшими, сестры перед братьями (или, наоборот, братья перед сестрами, это здесь безразлично). Дети старших братьев и сестер были выше рангом, чем дети младших. Так из поколения в поколение все более нарастала социальная дистанция даже между потомками одной и той же семьи [49].

Однако такое понимание грешило бы чрезмерным упрощением проблемы. Различия рангов внутри современной семьи нельзя считать ключом к проблеме происхождения общественных классов на Тонга. Исходным моментом происхождения этих классов, конечно, было расслоение древней родовой общины, а не семьи. Но точка зрения Гиффорда близка к истине в том смысле, что и в современной тонганской семье отразился тот основной принцип, который еще в древние времена был фактором социального расслоения: принцип генеалогического старшинства. Сохранение его в современной семье свидетельствует только о силе, устойчивости этого принципа [50].

Генеалогический счет нашел свое выражение в социальной терминологии; те обозначения общественных «рангов», которые приводит Маринер (мы уже познакомились с ними), относятся в ближайшую очередь именно к различиям генеалогического старшинства. Оставляя пока в стороне высший ранг эгов (вождей), мы находим, что остальные ранги — матабуле, муа, туа,— хотя и считались наследственными, но получить их человек мог только по смерти своего отца. Сыновья матабуле, как и его младшие братья, считались муа; после его смерти старший сын его делался матабуле, остальные, как и братья умершего, оставались муа. Сыновья муа считались туа; по смерти его старший из них наследовал его ранг, становился муа, остальные оставались туа [51]. С этой точки зрения рядовые общинники, простонародье (туа), рассматривались как потомки младших ветвей из семей муа, а муа — как потомки младших ветвей из семей матабуле. В свою очередь матабуле считались обычно в родстве с вождями. Таким образом, по тонганским представлениям, все население островов было как бы связано между собой родством и происхождением, и различие между высшим вождем и последним простолюдином сводилось в конечном счете к различию генеалогического старшинства. Так прямо и говорили Гиффорду его тонганские информаторы [52].

В действительности дело было, конечно, гораздо сложнее. Социальный ранг человека определялся на Тонга уже и во времена Маринера, не говоря о более поздней эпохе, далеко не одними генеалогическими расчетами, а и другими, более практически важными условиями. Эти условия мы уже видели: общественное разделение труда и тенденция к образованию каст; развитие крупной земельной собственности, т. е.

---

[48] Там же.

[49] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 19—20.

[50] Следует отметить, что у тонганцев сохранились и следы родовой организации — ее пережитки, однако пережитки, в сильнейшей степени модифицированные классовыми различиями. У тонганцев сохранились аристократические патрилинейные фамилии, по-тонгански называемые «хаа», что передается условно английским словом «lineages». Каждая такая хаа имеет свое наследственное имя, и в этом смысле она как будто близка к родовой организации; но существенное различие состоит в том, что носителем имени хаа является в каждый момент только одно лицо — старший представитель данной семьи; после его смерти титул этот переходит к его старшему сыну или следующему по старшинству брату и т. д.— нечто отдаленно аналогичное передаче аристократических титулов в средневековой Англии (E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 234 сл.).

[51] J. Martin, Указ. раб., т. II, стр. 84—87.

[52] E. W. Gifford. Указ. раб., стр. 19—20.

узурпация общинной земли отдельными членами общины и их семьями. Именно эти условия создавали основу классообразования. Генеалогический же принцип определял собой лишь, так сказать, личный состав отдельных общественных слоев, классовых групп тонганского общества.

10

Выше говорилось, что военные столкновения, завоевательные войны играли весьма второстепенную роль в процессе образования общественных классов на островах Тонга. Но какую-то роль они все же играли. Если же говорить о новейшем периоде истории Тонга, о XIX в., то роль эта была даже довольно велика. Чтобы уяснить себе и эту сторону дела, надо рассмотреть организацию власти у тонганцев в период, доступный нашему наблюдению.

Первобытная демократия на Тонга, по-видимому, давно исчезла. Были ли у тонганцев какие-либо собрания общинников, сходки, советы представителей родов, семей для обсуждения общественных дел? В сообщениях ранних наблюдателей не говорится ни о чем подобном. Конечно, отсутствие таких сведений в источниках в этом случае еще не дает права на определенные выводы. Но у нас есть возможность сравнить положение на Тонга и на соседних архипелагах в новейшее время. Оказывается, что и на Тонга, и на Самоа до сих пор функционируют сходки общинников — «фоно». Но на Самоа фоно еще недавно действовал как орган выражения общественного мнения, где, правда, не все, но по крайней мере главы семейных общин (тула-фале) имели голос в обсуждении и решении общественных дел. На Тонга же фоно — это сходка общинников, где они лишь выслушивают распоряжения начальства; никакого обсуждения, а тем более принятия решений там не полагается. Так, вероятно, было и раньше, уже давно [53], хотя когда-то, в отдаленном прошлом, фоно и у тонганцев мог быть органом первобытной демократии.

Вместо демократических народных собраний на Тонга уже с давних времен отмечается единоличная власть вождей. С конца XVIII в. особенно усилились военные вожди, объединившие под своей властью постепенно весь архипелаг, и это привело к существенным изменениям в социальном строе тонганцев. Этому усилению власти военных вождей, однако, предшествовали какие-то иные формы власти, происхождение которых не совсем для нас ясно, но остатки которых очень устойчиво держались вплоть до недавнего времени и, сочетаясь, переплетаясь с новой властью военных вождей, сообщали общественному быту тонганцев совершенно специфический, неповторимый вид.

Уже из записей Кука видно, что в его время на Тонга были вожди, пользовавшиеся огромным почетом, но по своей дряхлости, физической слабости никак не подходившие для роли предводителей с настоящей реальной властью. Материалы Маринера проливают яркий свет на это своеобразное явление. Во время его пребывания на островах вся реальная власть находилась в руках нескольких соперничавших между собой военных предводителей. Самый сильный из них, по имени Финоу, которому удалось постепенно подчинить себе весь архипелаг, носил титул «хоу». Маринер переводит его словом «король». По словам Маринера, это был наследственный монарх с неограниченной деспотической властью. Не меньшими деспотами были и его предшественники. О последнем из них, по имени Тугу Аху, Маринер рассказывает, что это был жестокий тиран-самодур, убивавший или калечивший своих подданных просто для своего развлечения. Но эти короли, располагавшие столь огромной властью, отнюдь не были самыми знатными лицами на островах. Их

[53] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 124, 181; E. and P. Beaglehole, Указ. раб., стр. 25.

боялись, им повиновались, но им не воздавали особого почета. Мало того, на Тонга было много вождей более знатного происхождения, чем король, и их почитали больше. Сам король при встрече с ними, а особенно при тех или иных общественных церемониях, должен был уступать им первое место, воздавать почести и пр. Так должен был поступать король Финоу, по рассказу Маринера, по отношению к своей родной тетке Тое Уму, которую он назначил своей наместницей на только что покоренный остров; он требовал от нее повиновения, но оказывал ей все внешние знаки почета, как лицу более знатному, чем он сам [54].

Самым знатным лицом на всем архипелаге, пользовавшимся прямо религиозным почитанием, был так называемый туи-тонга (буквально «властитель Тонга»). Реальная власть этого наследственного вождя была очень невелика, но воздававшийся ему почет трудно даже описать. Считалось, что династия туи-тонга — фамилия Фатафехи — происходит от богов: основатель этой династии, Ахоеиту, был рожден женщиной от бога Тангалоа. Туи-тонга пользовался всякими привилегиями, по преимуществу обрядового характера. В отличие от всех остальных тонганцев, он не подвергался операции обрезания и татуировке. Он имел целый гарем жен, в числе которых были женщины из знатнейших фамилий,— все считали для себя величайшим почетом породниться таким способом с туи-тонга. Наиболее уважаемое место занимала главная жена туи-тонга, мать его законного наследника. При погребении умершего туи-тонга устраивались пышные и продолжительные обряды, приносились человеческие жертвы. Могила туи-тонга называлась «небо» и считалась одним из главных святилищ на архипелаге. Сам остров, где находилась резиденция туи-тонга,— самый большой остров архипелага — получил название «Тонгатабу» (буквально «Священное Тонга»).

Очень характерно, что степень знатности каждого человека определялась в принципе его генеалогической близостью к виднейшим фамилиям — и в конечном счете к туи-тонга [55].

Самой реальной из прерогатив туи-тонга было то, что он считался номинальным владельцем или верховным собственником всей земли. Большую часть ее он раздавал в наследственное пожалование вождям, а те раздавали отдельные участки своим держателям. Из обрядов, устраивавшихся в честь туи-тонга, самое важное, чисто материальное значение имел обряд «иначи» — ежегодное обязательное подношение первых плодов; считалось, что несоблюдение этого обычая повлечет за собой гнев богов. В назначенный день отовсюду стекался народ в резиденцию туи-тонга. Все несли корзины с ямсом, украшенные красными лентами. При подношении ямса совершались различные обряды. Собранное таким путем огромное количество ямса распределялось определенным образом: одна четверть шла в пользу богов, т. е., очевидно, жрецов; половина шла в пользу короля — «хоу»; последняя четверть оставалась для самого туи-тонга. Так же поступал и король. Маринер замечает, что таким образом собирались и распределялись такие большие запасы пищи, что у самого населения иногда ничего не оставалось и начинался голод [56].

Тонганские предания, собранные в новейшее время Гиффордом, позволяют дополнить записи Маринера. Судя по ним, очень большим почетом пользовалась также старшая сестра туи-тонга — ее титул был туи-тонга-фефине. Если она умирала раньше своего брата, ее место занимала следующая по возрасту сестра. Но еще более высокий ранг, чем сам туи-тонга, занимала дочь туи-тонга-фефине, т. е. племянница туи-тонга. Титул ее был «тамаха». Она считалась особой наиболее высоко-

[54] J. Martin, Указ. раб., т. I, стр. 146—147, 226—228 сл. Аналогичный факт отметил несколько раньше (1793) Лабиллярдьер (см. Labillardière, Указ. раб., стр. 123, 125—126, 162—163).

[55] J. Martin, Указ. раб., т. II, стр. 81—82.

[56] Там же, стр. 78—79, 196—204.

го ранга во всем королевстве. Сам туи-тонга совершал в честь своей племянницы те обряды поклонения, которые все остальное население должно было совершать в честь его самого. Ее носили обычно в паланкине. Всякий встречающийся с нею должен был сесть на землю, сложить руки и наклонить голову. К ней приносили больных для исцеления. Если лодка проплывала мимо ее дома, стоявшего на побережье, гребцы должны были прыгнуть за борт и плыть рядом с лодкой, пока не минуют резиденцию тамахи [57]. Весь этот ритуальный почет, оказываемый сестре и племяннице туи-тонга, был проявлением сильных традиций материнского права, связанных с архаическим институтом туи-тонга.

Маринер говорит еще об одном почетном титуле — «веачи», носитель которого, однако, несколько уступал туи-тонга, хотя и ему приписывали божественное происхождение [58]. Он, впрочем, не сообщает никаких подробностей о веачи, видимо, располагая о нем лишь скудной информацией. Более обстоятельные исследования Гиффорда показывают, что Маринер допустил тут ошибку: никакого особого сановника или вождя с титулом веачи не было, а тот, кого Маринер так обозначал, был братом тамахи, т. е. родным племянником туи-тонга по его сестре, и в этом качестве пользовался, конечно, большим почетом [59].

11

Таким образом, на Тонга к началу XIX в. существовали две независимые друг от друга формы власти, как бы две параллельные династии: королей хоу и священных вождей туи-тонга. Первые располагали деспотической, неограниченной властью, но не пользовались особым почетом. Вторые были предметом необычайного, по сути религиозного почитания, но не имели в своих руках настоящей власти. Откуда возник этот своеобразный дуализм как бы светской и духовной власти?

Для этнографов подобного рода явления вовсе не представляют собой чего-то небывалого: аналогии им известны у многих народов, и древних и новейших. Джемс Фрэзер, собравший в своей «Золотой ветви» целую коллекцию примеров «священных королей», или «царей-жрецов»,— а примеров таких немало во всех частях света,— не оставил без внимания и нередкие факты «расщепления» власти верховного вождя, «отделения духовной власти от светской» [60]. Подобные факты известны в Полинезии (Фрэзер упоминает о. Мангайя), их очень много в Западной Африке, где нередко правили рядом «царь-фетиш» и «светский царь»; известны такие факты и в юго-восточной Азии, например в восточной части о. Тимора и на небольшом соседнем о. Ротти. В истории старых государств Азии подобные явления отмечались в более крупных масштабах: в Тонкине (северный Вьетнам) одно время власть находилась в руках наследственных военачальников, а цари, окруженные почетом и дворцовой пышностью, не принимали участия в управлении государством. Наиболее же известен пример Японии, где такое расщепление светской и духовной власти достигло как раз особенно резких форм: с начала XVII в. до середины XIX в. неограниченная светская власть принадлежала военачальникам «сёгунам» из наследственной династии Токугава, а император — «микадо» — представлял собой живого бога, запертого в своем дворце и опутанного бесчисленными магическими запретами.

В буржуазной этнографической литературе не раз делались попытки объяснить подобный дуализм власти или — в более общей форме —объяснить происхождение священной власти «божественных королей», «королей-жрецов» и т. п. Наиболее известна чисто идеалистическая теория того

[57] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 79—82.
[58] J. Martin, Указ. раб., т. II, стр. 75—80, 136.
[59] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 81.
[60] Дж. Фрэзер, Золотая ветвь, вып. 2, Л., 1928, стр. 18—21.

же Фрэзера, объяснявшего эту своеобразную форму власти развитием магических идей, верой в колдовскую власть человека над стихиями природы. Здесь нет надобности даже критиковать подобные теории. Но наука много выиграла бы, если бы удалось хотя в некоторых отдельных случаях проследить чисто исторически развитие священной власти «божественного короля» типа японского микадо и проследить ход отделения этой власти от чисто светской власти военных предводителей. Пример островов Тонга, кажется, может считаться одним из таких случаев: состояние источников позволяет нам здесь заглянуть в прошлое и пролить свет на историю развития и той и другой формы власти.

Уже Маринер слышал от островитян, что власть «королей» усилилась лишь в недавнее время в связи с участившимися войнами и что прежде, еще не так давно, в более мирные дни, туи-тонга располагал более существенной светской властью [61]. Так было, видимо, еще в 1770-е годы, когда на Тонга побывал Кук. Исследования Гиффорда, собранные им подробные генеалогические предания, а также материалы Те Ранги Хироа (Питера Бака), известного новозеландского этнографа, посетившего Тонга в 1912 г. и записавшего местные легенды, подтверждают и конкретизируют это предположение. Предания и легенды в свою очередь подкрепляются некоторыми археологическими памятниками, правда, еще слабо изученными.

Генеалогические предания, касающиеся династии туи-тонга, насчитывают всего 39 следовавших один за другим носителей этого титула. Первый туи-тонга — по имени Ахоеиту — был, по легенде, сыном бога Тангалоа и смертной женщины. По хронологическим расчетам исследователей (Те Ранги Хироа, Гиффорда), он правил около середины X в. [62]. То, что предшествует этому времени, покрыто туманом скорее мифологических, чем легендарных рассказов. На Тонга, как и на других островах Западной Полинезии, совершенно не сохранилось преданий о переселениях предков, преданий о прародине Гаваики, откуда расселились эти предки по разным островам,— а такие предания хорошо известны во всех остальных частях Полинезии. Напротив, тонганцы, как и самоанцы, верят в свое чисто автохтонное происхождение; предки их, по местному мифу, произошли из червей, расплодившихся в гнилом дереве. Вероятно, это своеобразие этногонических преданий объясняется глубокой древностью заселения островов Западной Полинезии (вспомним, что и у меланезийцев, заселивших свои острова, видимо, в еще более отдаленном прошлом, совершенно не сохранилось преданий о переселениях) и ранней утратой связей с другими частями Полинезии. Кстати, можно отметить, что и в материальной культуре, и в обычаях населения Западной Полинезии имеется много характерных отличий от обычаев и культуры народов Центральной и Восточной Полинезии. Все это делает мало правдоподобным предположение того же Те Ранги Хироа о заселении островов Западной Полинезии из Центральной Полинезии, с архипелага Таити, а следовательно, о более позднем их заселении: гораздо вероятнее, что именно острова Тонга и Самоа были заселены раньше всех других островов Полинезии и что предки тонганцев и самоанцев никогда не были на Гаваики (на островах Центральной Полинезии), почему это название и не фигурирует в их преданиях [63].

---

[61] J. Martin, Указ. раб., т. II, стр. 134—136.

[62] Те Ранги Хироа, Мореплаватели солнечного восхода, М., 1950, стр. 244—245; E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 52, 349.

[63] Те Ранги Хироа, Указ. раб., 14—15. Мы оставляем здесь без рассмотрения новую теорию заселения Полинезии (из Америки), предложенную Тором Хейердалем (см.: Th. Heyerdahl, American Indians in the Pacific, 1952). Возможно, что проверка этой теории заставит внести некоторые поправки в изложенные соображения об истории заселения островов Тонга, но для основной нашей проблемы этот вопрос не имеет существенного значения.

Ранний, «додинастический» период истории Тонга (т. е. до начала династии туи-тонга) Гиффорд относит предположительно к VI—X в.[64]. Только что изложенные соображения заставляют полагать, что он начался раньше на несколько веков и длился, следовательно, дольше. От этого периода остались в качестве материальных памятников раковинные кучи, но они не изучены [65]. По преданиям, и в то время были на Тонга короли — потомки червей; первым из них предание называет человека по имени Кохаи [66].

Легенду о божественном происхождении первого туи-тонга, сменившего эту династию потомков червей, можно толковать двояко. Можно думать, что это отголосок пришлого происхождения династии туи-тонга, основатель которой, быть может выходец из какой-то другой области Полинезии, покорил местное население и лишил власти местных вождей; на такое толкование как будто наводит имя небесного отца первого туи-тонга, бога Тангалоа. Дело в том, что это единственное из имен общеполинезийских великих богов, сохранившееся в тонганском пантеоне,— другие представители общеполинезийского пантеона (Ронго, Ту, Тане) здесь не известны; нельзя ли в приведенном мифе видеть указание на то, что Ахоеиту, первый туи-тонга, был почитателем Тангалоа, т. е. выходцем из тех частей Полинезии, где чтили этих общеполинезийских богов? [67] Но возможно и другое, более простое толкование: миф о небесном отце первого туи-тонга был, очень вероятно, сочинен впоследствии с понятной целью возвысить этих носителей священной власти над простыми людьми — потомками червей. При таком, более правдоподобном толковании отпадает надобность в гипотезе о «военном» происхождении власти туи-тонга.

12

История Тонга, начиная с середины X в., освещается довольно подробными преданиями, относящимися к отдельным туи-тонга, сменявшим друг друга. Надежность преданий подтверждается некоторыми археологическими памятниками и совпадающими преданиями на ближних архипелагах — Самоа, Фиджи и др. Внимательное изучение этих преданий приводит к следующим важным выводам.

Во-первых, начиная уже с самых первых туи-тонга, сан этот передавался по наследству по мужской линии — от отца к сыну. Лишь в редких случаях — при отсутствии сына — наследовал брат. Таким образом, патрилинейный порядок установился на Тонга не позже X в.— во всяком случае в отношении наследования звания вождя. Это, конечно, не исключало сохранения материнского родства, даже, может быть, матриархата, черты которого, как мы видели, удерживаются у тонганцев до настоящего времени.

Во-вторых, носители титула туи-тонга были, вероятно, с самого начала представителями светской власти, что могло и не мешать им считаться одновременно священными особами и исполнять культовые функции. Некоторые из них предпринимали крупные общественные работы — памятники их строительной деятельности сохранились до сих пор. Так, предание указывает на 11-го туи-тонга, по имени Туитатуи, правившего около 1200 г., как на строителя одного из самых замечательных мегалитических сооружений Полинезии — известного «трилитона» близ Хекета (о. Тонгатабу). Памятник представляет собой как бы гигантские каменные ворота из двух циклопических колонн, высеченных из кораллового известняка и

[64] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 349.
[65] Там же.
[66] Те Ранги Хироа, Указ. раб., стр. 244.
[67] Отчасти так склонен толковать этот миф Р. Вильямсон (R. Williamson, The social and political systems of Central Polynesia, тт. 1—3, Cambridge, 1924, т. 1, стр. 141).

перекрытых такой же каменной балкой; вес видимой части каждой из колонн (т. е. не считая части, углубленной в землю) исчисляется в 30—40 *т*. 29-му туи-тонга, по имени Телеа, правившему, вероятно, в начале XVII в., приписывается сооружение другого величественного памятника: огромной ступенчатой трехъярусной гробницы в местности Лапаха (о. Тонгатабу) [68]. Строители этих замечательных архитектурных памятников, конечно, очень мало походили на тех удалившихся от мирских дел святых затворников, какими изображают их потомков источники начала XIX века.

В-третьих, не следует преувеличивать «мирный» характер власти и деятельности прежних туи-тонга. Если власть их и не покоилась, как власть позднейших королей — хоу, на военной силе, то все же воевать им приходилось. В преданиях рассказывается немало и о междоусобных, и о «внешних» войнах. Так, 23-й туи-тонга, по имени Такалауа (около середины XV в.), погиб от рук убийц, и сыновья его долго преследовали их; междоусобная война перекидывалась с острова на остров, не только в пределах Тонганского архипелага, но вплоть до островов Самоа, Футуна, Фиджи и Увеа; под конец убийцы были наказаны, и водворился мир [69].

Чрезвычайно интересно указание преданий, подкрепляемое другими фактами, о связях тонганцев с соседними, хотя и не слишком близко расположенными архипелагами. Связи эти бывали и мирными (заключение браков между семьями вождей и пр.), и враждебными, причем активной стороной, устраивавшей военные походы на другие архипелаги, были обычно именно тонганцы.

Первое известное вторжение с Фиджи имело место в правление упоминавшегося выше туи-тонга Туитатуи (строителя трилитона): один из мелких фиджийских вождей со своей дружиной поселился на Тонга. Предание не говорит о войне между пришельцами и туземцами, и первые, видимо, постепенно ассимилировались. По словам Гиффорда, среди населения соответствующих местностей заметны даже черты фиджийской примеси. Другой фиджийский вождь приплыл на Тонга в конце XVI или в начале XVII в. для женитьбы на сестре 30-го туи-тонга; поселившись здесь, он дал начало одной из фамилий тонганских вождей (Фале Фиси).

По самоанским и тонганским преданиям, и самоанцы плавали на Тонга; самые ранние плавания относятся ко времени 12-го туи-тонга (XIII в.), а самые известные — ко второй половине XVI в. Некоторые туи-тонга и другие тонганские вожди были женаты на самоанках. Но что особенно интересно — это воинственные походы тонганских вождей на Самоа и другие архипелаги. Они начались, вероятно, при 10-м и 11-м туи-тонга (XII в.). 15-й туи-тонга, Талакаифаики, правивший около середины XIII в., подчинил себе по крайней мере часть архипелага Самоа и даже, по самоанскому преданию, записанному Кремером, имел свою резиденцию на о. Саваии, но впоследствии был изгнан двумя самоанскими вождями. Так окончилась почти столетняя власть тонганских правителей — туи-тонга над самоанцами [70].

Таким образом, ранние представители династии туи-тонга отнюдь не были такими далекими от земной суеты религиозными руководителями народа, как их позднейшие потомки. Они держали в своих руках светскую власть, заставляли своих подданных строить величественные сооружения, воевали, покоряли чужие земли. Но при всем том ни из чего не видно, чтобы именно военное предводительство лежало в основе их власти. О войнах предания говорят все-таки довольно мало. Даже с другими архипелагами отношения были чаще, видимо, мирными. Военная власть, быть может, и играла какую-то роль в положении ранних туи-тонга, но, конечно, не глав-

[68] Те Ранги Хироа, Указ. раб., стр. 250 и фото 39 и 40; E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 52—53.

[69] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 54—55; Те Ранги Хироа, Указ. раб., стр. 247.

[70] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 54; Те Ранги Хироа, Указ. раб., стр. 246—247.

ную. В основе своей власть туи-тонга была, по всей видимости, не чем иным, как патриархальной властью родового старейшины, наследственного главы старшего, самого знатного рода, а впоследствии, после распадения родовой организации,— старейшей, самой знатной аристократической фамилии. Это были те же древнеримские цари, представители патриархальной власти патрицианских фамилий.

13

История упадка светской власти туи-тонга и превращения их в носителей чисто религиозных функций прослеживается частью по тем же преданиям, частью по непосредственным наблюдениям очевидцев с достаточной ясностью [71]. Эта история начинается со второй половины XV в. (около 1470 г.), когда 24-й туи-тонга, Кауулуфонуа I, передал светскую власть своему младшему брату, сохранив для себя весь почет и привилегии священной особы, но вместе с тем и все удовольствия земной жизни, включая многочисленный гарем [72]. Новая династия светских вождей, правившая с этого времени архипелагом, представляла собой, таким образом, младшую боковую ветвь той же фамилии туи-тонга. Эта династия получила имя Туи-хаа-Такалауа, дословно «повелители фамилии Такалауа» (Такалауа — это личное имя отца основателя династии, 23-го туи-тонга). Наследование титула в этой династии шло тоже по мужской линии. Отношение этих светских правителей к туи-тонга было теоретически подчиненным: они считались помощниками туи-тонга, защитниками его священной особы, может быть даже управителями его имений — наподобие мажордомов при последних Меровингах во Франкском государстве. Резиденция светских правителей находилась вблизи священной резиденции туи-тонга. Считалось, что свою главную жену туи-тонга должен выбрать из дочерей светского правителя. Было ли все и на деле так мирно и гладко, как в теории, мы не знаем. Династия Туи-хаа-Такалауа, впрочем, пресеклась в конце XVIII в., просуществовав немногим больше трех столетий; последний (15-й или 16-й) ее представитель погиб в 1799 г. в одной из частых в те годы войн.

Но в то время уже существовала еще одна династия — тоже светских правителей Тонга. Она появилась около 1610 г. и представляла собой младшую ветвь династии Туи-хаа-Такалауа, совершенно так же, как эта последняя была младшей ветвью династии туи-тонга. Судя по преданию, светские правители в течение нескольких поколений посылали своих младших сыновей своими наместниками в округ Хихифо (о-в Тонгатабу), но непокорное население убивало их. Наконец, один из посланных, Нгата, младший сын 6-го правителя из династии Туи-хаа-Такалауа, полусамоанец по происхождению (мать его была самоанкой), сумел удержаться в подвластном ему округе и сделался основателем новой династии, получившей имя Туи-Канокуполу. Эта династия впоследствии затмила и вытеснила обе старшие династии; потомки ее правят на Тонга и поныне [73].

Правители из династии Туи-Канокуполу, отдаленная младшая ветвь той же царственной фамилии туи-тонга, всегда признавали ее старшинство и воздавали должный почет ее правящим представителям. Но на деле эти правители — они усвоили себе титул «хоу», который европейцы переводили словом «король»,— уже к концу XVIII в. забрали всю власть в свои

[71] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 82—85.

[72] Предание рассказывает, что мотивом для этой передачи светской власти брату было то, что Кауулуфонуа был угнетен убийством его отца (там же, стр. 85). Очень возможно, что это предание близко к истине: Такалауа был уже третьим туи-тонга, павшим от рук убийц (незадолго перед ним погибли таким же образом 19-й и 22-й туи-тонга), и это грозное предостережение вполне могло отбить у его сына и наследника вкус к столь опасной должности и понудить его постараться от нее избавиться. Он сделал это довольно удачно.

[73] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 86—91.

руки. Этому особенно способствовали междоусобные войны, которые сделались особенно частыми и кровопролитными в последние годы XVIII и в первое десятилетие XIX в. Об этом много сведений сообщает Маринер, бывший очевидцем и даже участником многих из этих событий. По его словам, здесь сыграли роль участившиеся сношения с островами Фиджи: тонганцы ездили туда за деревом для постройки лодок (на Фиджи растет особенно пригодная для этого порода дерева, древесина которого не подвергается червоточине). При этом они вели там войны, вмешиваясь в межплеменные распри фиджийцев, либо стремясь подчинить их своей власти. Особенно прославился подвигами подобного рода один из тонганских вождей, Туи Хала Фатаи, который два года воевал на Фиджи (около 1797—1799 гг.), а потом, вернувшись на родину, принял участие в разгоревшемся междоусобии и вскоре был убит в сражении.

По словам Маринера, в эти годы начали входить в употребление на Тонга некоторые фиджийские военные обычаи, жестокие приемы ведения войны, обычай каннибализма и другие, раньше совершенно чуждые тонганцам; появилось и новое оружие — фиджийский крепкий боевой лук (раньше у тонганцев был в употреблении только слабый лук, применявшийся для охоты на крыс) [74].

Усилению жестокости и кровопролитности междоусобных войн способствовало также появление огнестрельного оружия, привезенного европейцами. Инструкторами в употреблении его служили пленные матросы или дезертиры с европейских кораблей. Применяя это новое оружие, научившись у европейцев и более совершенной военной тактике, тонганские короли укрепляли свою власть, подчиняли себе своих соперников. Таким путем добился единодержавия король Финоу, пленником и помощником которого был Маринер. Финоу убил своего предшественника, свирепого тирана Тугу Аху (Тукуахо) и в ходе долголетних войн устранил всех своих соперников. Военное искусство Финоу сочетал с незаурядными дипломатическими способностями. По отношению к туи-тонга он проявлял должную лойяльность и традиционное почтение, но жрецы обвиняли его в вольнодумстве и неуважении к богам.

Преемник Финоу, его сын Финоу II, унаследовавший дипломатические задатки отца и его свободомыслие, решился на смелый шаг: воспользовавшись смертью туи-тонга (1810, это был 38-й носитель этого титула), упразднил освященную веками должность под тем предлогом, что для народа слишком обременительно совершать ежегодные подношения иначи в пользу туи-тонга [75]. Через 17 лет, в 1827 г., должность туи-тонга была восстановлена, но в 1865 г. окончательно отменена.

14

Что происходило на Тонга в течение трех-четырех следующих за 1810 г. десятилетий, мало нам известно. Европейские суда стали редко заходить на острова, где так долго кипела междоусобная война. Усобицы, видимо, продолжались, сменяясь мирными отношениями между отдельными вождями, поделившими между собой архипелаг. В усобицы начали вмешиваться появившиеся на Тонга христианские миссионеры. Впервые появились они (Лондонское миссионерское общество) еще в 1797 г., но скоро наступил самый разгар борьбы между вождями, и оставшиеся в живых проповедники еле спаслись, бежав с Тонга (1800). В 1822 г. там появились веслеянские миссионеры, однако, потерпев неудачу, тоже были вынуждены уехать. За ними последовали миссионеры-католики, сами полинезийцы с Таити; эти имели бóльший успех, они крестили одного вождя — Тауфаахау (Тубоу) и многих его подданных. Но другие вожди не последовали его примеру, и это лишь содействовало обострению междоусобной вражды.

[74] J. Martin, Указ. раб., т. I, стр, 66—81.
[75] Там же, т. II, стр. 1—3.

Посетивший Тонга в 1827 г. французский мореплаватель Дюмон-Дюрвиль писал о соперничестве здесь нескольких независимых вождей, из которых один,— видимо, упомянутый Тубоу — был христианином [76]. В 1834 г. француз же Пижар отмечал, что на Тонга нет, как раньше, единого короля, а есть лишь независимые вожди округов [77].

Социально-экономическая история этих десятилетий нам еще менее известна, чем их политическая история. Есть основания думать, что междоусобные войны сопровождались развитием рабства,— рабами становились военнопленные. Это, впрочем, лишь предположение, основанное на косвенных указаниях: Маринер в начале XIX в. ничего не сообщает о рабах на Тонга, во второй же половине столетия они уже были. Что касается непосредственных производителей, крестьян-общинников, основной массы населения островов, то они, видимо, по-прежнему находились и в поземельной, и в личной, т. е. по существу феодально-крепостнической, зависимости от землевладельческой знати.

В 1845 г. одному из вождей, тому же Тауфаахау, потомку династии Туи-Канокуполу, правившему вначале, с 1820 г., на о. Хаапаи, удалось объединить под своей властью весь архипелаг Тонга. Он опирался при этом на поддержку английских миссионеров. Объединитель принял королевский (уже в европейском смысле) титул и имя Георга Тубоу. Правление его было очень долгим, он царствовал почти полвека (умер в 1893 г.). Вначале он пытался проявлять самостоятельность, предпринял реформы, чтобы несколько модернизировать социально-политический строй. Реформы эти были прогрессивными. В 1862 г. на Тонга были отменены рабство и крепостническая зависимость. Был создан конституционный режим, учрежден парламент, Тайный совет и Кабинет. «Парламент» состоял из министров, семи представителей знати и такого же количества общинников. В 1865 г. умер последний, 39-й туи-тонга, и преемника ему не было назначено; священный сан был навсегда упразднен. Он и без того лишился всякого смысла, будучи связан со старыми верованиями, тогда как население островов было к этому времени поголовно крещено.

Однако власть короля, министров и «парламента» чем дальше, тем больше становилась лишь номинальной. На деле все большее влияние забирали британские советники, консулы и миссионеры. Они стали распоряжаться на островах совершенно бесконтрольно. Особенно ярким примером этого может служить деятельность некоего Ширли Бекера, который был в 1860—1879 гг. начальником веслеянской миссии на Тонга. За свои слишком уж бесцеремонные действия, затронувшие интересы европейских колонистов, он был отозван миссионерским начальством (1879), но самовольно вернулся на Тонга и добился от короля назначения премьер-министром (1880). Конференция веслеянской миссии в Сиднее не одобрила этого назначения и потребовала Бекера к ответу. Однако он отказался подчиниться и вышел из веслеянской церкви. Мало того, чтобы сломить сопротивление своих противников и укрепить свое единовластие, Бекер предпринял своеобразную религиозную реформу: он стал вводить вместе с своим единомышленником миссионером Ваткином новую церковную организацию — Свободную церковь Тонга. По настоянию Бекера король объявил новую церковь государственной, и верующих стали насильно заставлять присоединиться к ней.

Гонения на веслеянскую секту, к которой принадлежало большинство населения, начались в 1885 г. и продолжались несколько лет, принимая все более жестокие формы. О них подробно сообщает Н. Н. Миклухо-Маклай по данным местной прессы. Упорствующих в приверженности к старой церкви секли ременной шестихвосткой, не щадя женщин и детей, запира-

[76] Dumont d'Urville, Voyage pittoresque autour du monde, Paris, 1834, т. 2, стр. 65—66.

[77] K. Williamson, The social and political systems of Central Polynesia, т. I, стр. 134.

ли в тесную тюрьму без света и воздуха. Некоторые из главных противников новой церкви были расстреляны. По жалобе иностранных резидентов британский губернатор («высокий комиссар») Фиджи начал расследование этих зверств; но Тонга тогда еще считалось независимым государством, и расследование кончилось ничем [78]. Только в 1890 г. Бекер был отрешен от должности и изгнан с Тонга своими противниками [79]. Ваткин же остался главой новой церкви, которая продолжала считаться официальной в королевстве. Ваткин умер после 1920 г.[80].

С именем этого-то свирепого премьер-министра и миссионера Ширли Бекера связано проведение очень важной, чисто реакционной законодательной меры, восстановившей и укрепившей феодальный режим. Она заключалась в следующем.

Верховным собственником всей земли на Тонга считался испокон веков туи-тонга, который раздавал ее в наследственное пожалование вождям. По прекращении династии туи-тонга в 1865 г. верховные права земельной собственности естественно перешли к короне. Население очень легко освоилось с мыслью, что вся земля принадлежит королю, т. е. государству, которому держатели и платили теперь ренту. Но Бекер — по настоянию ли старой землевладельческой знати или сам, стремясь укрепить ее как опору своей власти,— заставил короля произвести обширные пожалования земли представителям старинной аристократии — вождям (эги, или хоуеики). Этим отпрыскам древних землевладельческих фамилий были розданы земли на всех островах архипелага, притом большей частью те самые, какие принадлежали некогда их предкам: это обстоятельство специально учитывалось при пожаловании. Земли раздавались вместе с держателями, которые по закону обязывались платить оброк новым хозяевам: по 1 доллару в год с каждого надела (равного приблизительно 8 акрам = около 3 *га*) [81].

Это восстановление феодального режима произошло, по некоторым данным, в 1888 г., но по другим сведениям, земельные пожалования начались еще в 1882 г. и продолжались до начала царствования Георга II [82]. Преемник Бекера, Базиль Томсон, попытался предотвратить опасные последствия этого феодального распыления земли. По его собственным словам, он не одобрял действий своего предшественника, но уже не смог избавиться от восстановленной в прежних правах земельной знати и только установил порядок платежа ренты держателями: не непосредственно землевладельцам, а в казну, которая уже сама выплачивала соответствующую сумму каждому землевладельцу. Этим была придана более централизованная форма восстановленной системе крупного землевладения. Сами пожалования были еще раз подтверждены как наследственные в начале правления королевы Шарлотты, в 1919 г. При этом оказалось, что земля Тонга поделена между 39 наследственными владельцами (не считая земли, оставшейся у казны и непосредственно у королевы), из которых 34 принадлежали к старым фамилиям вождей (эгов) и 5 или 6 — к фамилиям

---

[78] Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. 2, стр. 624—626.

[79] Через два года Бекер вернулся на Тонга, но жил там уже на правах частного лица; он умер на Хаапаи в 1903 г. (J. S. Neill, Ten years in Tonga, London, 1955, гл. 10).

[80] В 1924 г. королева Шарлотта попыталась объединить соперничавшие христианские церкви, но в результате лишь прибавила к прежним церковным группам еще одну. Сейчас на Тонга существуют следующие христианские церкви: Free Wesleyan Church of Tonga, Free Church of Tonga, Church of Tonga, католическая церковь и несколько других более мелких (E. and P. Beaglehole, Указ. раб., стр. 126).

[81] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 171—172. Ср. L. A. Mander, Some dependent peoples of the South Pacific, N. Y., 1954, стр. 355.

[82] По позднейшему сообщению британского «агента и консула» Нейлла, король при открытии парламента 1875 г. (Бекер был тогда еще не премьером, но всевластным миссионером) заявил, что земли надо раздать потомкам старых знатных фамилий (J. S. Neill, Указ. раб., стр. 146—147).

матабуле. Последнее было новшеством: в старину матабуле землей не владели [83].

Итак, старинная тонганская аристократия, фамилии, ведшие свое происхождение от древней династии туи-тонга, потомков бога Тангалоа, вновь получили свои старые наследственные земли и права над их держателями и сохраняют то и другое до настоящего времени.

Политическая власть на архипелаге находится в руках этой старой аристократии, поддерживаемой британским империализмом. После смерти в 1893 г. престарелого Георга Тубоу I (из старой династии Туи-Канокуполу) на тонганский престол вступил его правнук Тауфаахау (Георг Тубоу II). Он был по боковой линии также потомком последнего туи-тонга и таким образом законно соединил в своих руках преемство обеих традиционных форм власти — светской и духовной. Однако вскоре прекратилась и номинальная «независимость» государства Тонга: в 1900 г. над островами был объявлен британский протекторат, и они вошли в состав Британской империи. Короли продолжали царствовать, но лишь в качестве марионеток. После смерти Тубоу II (1918) королевой стала его падчерица принцесса Шарлотта (Салоте) Мафилео Веионго. Супруг ее, Уильям Тунги, тоже отпрыск древней тонганской знати, занял в 1923 г. пост премьер-министра и удерживал его до своей смерти (1941).

15

Современное социально-экономическое положение на островах Тонга вкратце таково.

Население архипелага составляет, по данным 1952 г., около 52,5 тыс. чел.; из них аборигенов тонганцев — 51,4 тыс., европейцев (главным образом англичан) — 230 чел., с других островов Океании — 300, метисов — 570, прочих 75 чел. [84]. Таким образом, около 98% населения Тонга — чистые тонганцы, коренные жители. Таково же приблизительно положение и на некоторых других архипелагах тропической Полинезии, в отличие, например, от Гавайских островов и Новой Зеландии, где подавляющая масса населения — пришлая.

Но на Тонга сохранилось не только коренное население — сама туземная экономика сохранилась здесь тоже в большей мере, чем в других частях Океании.

Основная масса населения — крестьяне, живущие в деревнях (расселение однодворками, отмечавшееся еще в конце XVIII в., в годы усобиц, сменилось компактным расселением деревнями). В более мелких деревнях население до сих пор состоит большей частью из родственных семей, как в старину [85]. Крестьяне пользуются земельными наделами «апи», размеры которых колеблются от 8 до 20 акров (3—7 *га*). За каждый апи держатель уплачивает собственнику земли ежегодную ренту в 8 шиллингов. Под условием исправного платежа собственник земли предоставляет держателю свободу пользования наделом — он может сажать на нем, что хочет. Но за неплатеж ренты в течение трех лет владелец может прогнать держателя и передать надел другому. Как правило, наделы переходят по наследству [86].

Распределение наделов неравномерно, так как сами крестьяне не составляют однородной массы. По исследованию супругов Биглхол (1938—1939), в деревне Пангаи — на одном из северных островов,— которая считается во многих отношениях типичной для всего архипелага, приблизительно из 50 крестьянских хозяйств 36 владело одним маленьким наделом каждое, шесть имело по одному большому наделу, три — по два надела и

[83] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 172, рис. на стр. 173; L. A. Mander, Указ. раб., стр. 357

[84] «Colonial Office. Report on Tonga for the years 1952—1953», London, 1954, стр. 9.

[85] E. W. Gifford, Указ. раб., стр. 8.

[86] E. and P. Beaglehole, Указ. раб., стр. 17.

одно хозяйство имело четыре надела, притом на разных островах [87]. По новейшим данным, однако, держать более одного надела никто не имеет права [88].

По категориям собственников вся земля на Тонга делится на три разряда: земли государственные (казенные), земли знати (магнатов) и земли королевской семьи. Например, на северном о. Вавау есть 39 крупных имений, из них 17 казенных, 16 принадлежат знати, пять — королеве и одно — принцу-супругу [89]. Распределение земельных владений на о. Тонгатабу, самом большом острове архипелага, видно на прилагаемой карте (рис. 2).

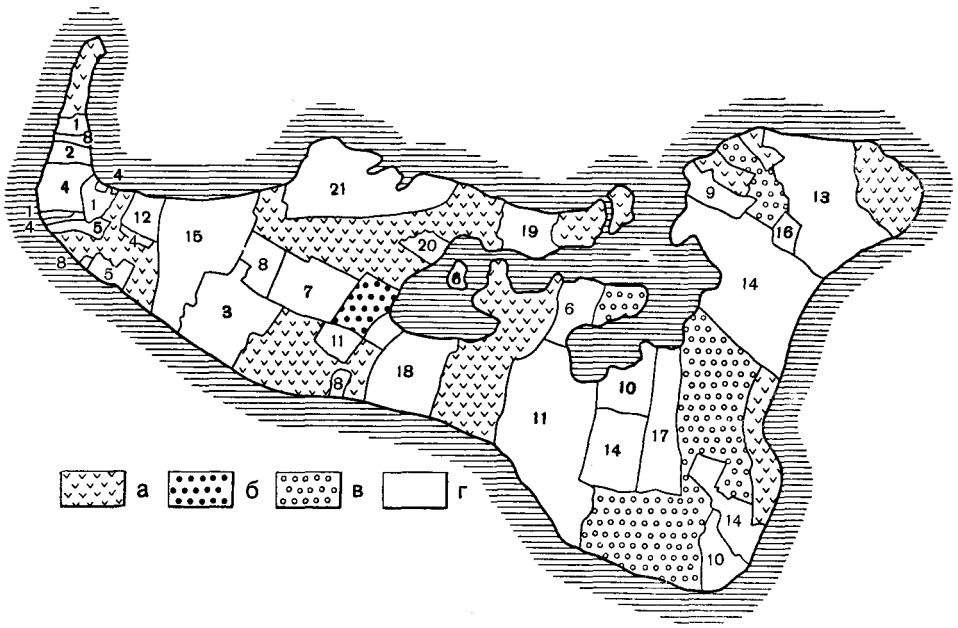

Рис. 2. Распределение земельных владений на о. Тонгатабу: *а* — земли государственные; б — земли королевы; *в* — земли принца-супруга; *г*— земли магнатов: *1* — Ата; *2* — Ахомее; *3* — Ваеа; *4* — Вахаи; *5* — Веехала; *6* — Веикуне; *7* — Лавака; *8* — Ласике; *9* — Лауаки; *10* — Луани; *11* — Маафу; *12* — Мотуапуака; *13* — Нуку; *14* —Пангиа; *15* — Туи Вакано; *16* — Туи Лакепа, *17* — Туи Палехаке; *18* — Туи Хаатеихо, *19* — Факафануа; *20* — Фиелакепа; *21* — Фохе

Платежи держателей, по-видимому, одинаковы во всех случаях.

В экономическом и правовом положении земледельцев (туа) произошло, таким образом, немало изменений сравнительно со временем до появления европейцев. Но как прежде, так и теперь крестьянин сидит не на своей земле, а на земле, принадлежащей крупным собственникам, и эти собственники либо потомки тех же местных вождей, либо государство и королевская семья. Как и прежде, он платит ренту, но прежде натуральную, теперь денежную; это весьма существенная перемена, и перемена, как мы увидим, далеко не к лучшему. Но сверх земельной ренты земледелец должен теперь еще платить государственный налог (по размерам значительно превышающий ренту) и церковные сборы (еще более высокие) [90].

Прежде общинник-туа был прикреплен к своему вождю и не мог от него уйти. Теперь формального запрета уйти со своего надела нет, но

[87] Там же, стр. 18.
[88] J. S. Neill, Указ. раб., стр. 148.
[89] E. and P. Beaglehole, Указ. раб., стр. 17.
[90] Там же, стр. 61.

переходов, видимо, почти не бывает,— может быть, потому, что нет свободной земли, куда общинник мог бы уйти. Правительство, правда, в последнее время предоставляет желающим наделы на нерасчищенной, покрытой лесом земле (участки по $12^3/_8$ акра), притом за ренту всего в 4 шиллинга в год. Но, видимо, труд по расчистке земли от леса настолько велик, что охотников на такие наделы почти не находится [91].

Больше того, даже и обжитые, разработанные участки земли, очевидно, мало привлекают тонганских крестьян. По некоторым данным, ежегодно возрастает число молодых тонганцев, которые не желают пользоваться своим правом требовать себе земельный надел: они либо предпочитают сидеть на наделе отца, либо рассчитывают на какие-то иные заработки [92].

Однако самое существенное отличие теперешнего тонганского общественного строя от прежнего состоит в другом. Если во времена Маринера на Тонга существовала раннефеодальная система, замкнутая в себе, самодовлеющая, то в настоящее время феодальный строй на Тонга отнюдь не замкнут в себе: он включен в систему мирового империализма, следовательно, в основном подчинен ее законам. В чем это выражается? В том, что тонганский земледелец должен уплачивать денежную ренту и денежные налоги, а следовательно, принужден где-то добывать деньги, т. е. что-то продавать. Это обрекает его на подчинение законам капиталистического рынка, а значит — на все бедствия, связанные с колебанием рыночной конъюнктуры, с властью мировых капиталистических монополий.

Что это означает на практике, можно видеть на примере той же деревни Пангаи. Материалы по этой деревне, которыми мы располагаем, относятся к 1938—1939 гг., т. е. к сравнительно благополучному периоду относительной стабилизации капитализма. Авторы описания данной деревни, супруги Биглхол — буржуазные этнографы, отнюдь не склонные подчеркивать отрицательные стороны капиталистического строя. И тем не менее, против их воли, картина современного быта крестьян получается очень неприглядной.

Свои наделы, апи, крестьяне вынуждены засаживать главным образом товарными культурами, прежде всего кокосовыми пальмами для выделки копры. Для собственного продовольствия остается очень мало земли. По подсчетам самих жителей, с каждого апи, если бы его рационально возделывать и засаживать продовольственными культурами, могло бы прокормиться не менее 20 семей [93]. Теперь же с него прокармливается с трудом одно хозяйство. Капиталистический рынок поглощает, следовательно, до 95% всей продукции тонганского земледельца. Вырученные от продажи деньги почти полностью расходятся на ренту, налоги и церковные сборы, а также на необходимые покупки.

Для иллюстрации того, что из этого получается, возьмем конкретный пример из числа приводимых в книге Биглхолов. Одна из обследованных авторами крестьянских семей среднего достатка, держатель одного апи площадью в 10 акров, получает в год от продажи выращенных на нем товарных культур около 10 ф. ст. Из них он должен уплатить:

Ренту за землю	8 шиллингов
Налог	1 ф. 16 шиллингов
Сбор в пользу церкви . . .	2 ф.
Итого . . .	4 ф. 4 шиллинга

Из 10 ф. ст. годового дохода остается, таким образом, около 6 ф. ст. на все необходимые расходы: на покупку одежды (носить которую застав-

[91] J. S. Neill, Указ. раб., стр. 148—149; C. Simkin, Modern Tonga, «The New Zealand Geographer», 1945, т. I, № 2, стр. 105.
[92] C. Simkin, Указ раб., стр. 105.
[93] E. and P. Beaglehole, Указ. раб., стр. 18.

ляют миссионеры), на керосин, спички, мыло и пр. На покупку каких-либо съестных припасов в дополнение к продуктам, получаемым с собственного огорода, остается очень мало [94].

Поэтому пищевой режим островитян весьма неудовлетворителен. По данным того же обследования деревни Пангаи, только один человек из всей деревни может покупать и потреблять дешевые мясные консервы — это школьный учитель, получающий вдобавок к своему наделу денежную заработную плату [95]. Остальные вынуждены довольствоваться малопитательной пищей со своих огородов, вроде таро, зеленых бананов, которые надо есть в больших количествах, чтобы насытиться. Авторы обследования не могут не признать, что пищевой режим тонганцев невозможно улучшить без коренного изменения всей системы экономики Тонга [96].

Это значит, что даже в условиях благодатной тропической природы население одного из самых плодородных архипелагов, где прежде все дышало изобилием, притом население не обезземеленное, сохранившее свои наделы, все же низведено капиталистической системой до жалкого полуголодного существования. Не забудем, что все это относится к предвоенным, относительно благополучным годам. По новейшим сведениям, и само земледелие тонганцев находится в запущенном состоянии. Даже свой маленький клочок земли крестьянин не может удовлетворительно обработать, удобрить землю ему нечем (удобрения дороги), и почва истощается [97].

По некоторым новым данным, в последние годы, при относительно высоких ценах на копру, положение тонганских земледельцев рисуется более благоприятным [98], но едва ли можно считать его устойчивым в эпоху общего кризиса империализма.

16

Для того чтобы лучше уяснить себе, в чем состояло своеобразие общественного развития тонганцев и что было в этом развитии типичного, полезно сопоставить хотя бы кратко результаты проделанного нами исследования с параллельными фактами, относящимися к другим частям Полинезии. В развитии социального строя всех полинезийцев много общего. Но неравномерность исторического развития на разных островах Полинезии привела к тому, что на отдельных архипелагах представлены были как бы разные этапы одного и того же процесса. Если расположить важнейшие архипелаги Полинезии, конечно, грубо схематически, в порядке восходящих стадий исторического развития коренного населения, то получится примерно такой ряд: Новая Зеландия — Маркизские острова — Туамоту — Самоа — Тонга — Таити — Гавайи.

Общественный строй маори Новой Зеландии представлял собой перед приходом европейцев наиболее архаическую картину во всей Полинезии (если не считать мелких островов Тикопии, Онтонг-Джава и др.); черты архаизма сохранились здесь частично поныне. Маори жили племенами (иви), и взаимная замкнутость и рознь племен не вполне исчезли даже и теперь. Племя делилось на кровнородственные группы (хапу), однако не экзогамные и с двухсторонним счетом родства,— значит не типичные роды. Хапу делились на ванау — большие семьи, основные экономические ячейки. Частной земельной собственности не было — свободных земель было еще много, и земля принадлежала племени и хапу, но находилась в пользовании больших семей. Коллективизм господствовал и в производст-

[94] Там же, стр. 61.
[95] Там же, стр. 54.
[96] Там же, стр. 56. Ср. L. A. Mander, Указ. раб., стр. 370.
[97] L. A. Mander, Указ. раб., стр. 366—367.
[98] C. Simkin, Указ. раб., стр. 108—109, 117 сл.

ве, и в распределении. Имущественное расслоение едва намечалось. Ремесло лишь начало выделяться. Господствующее положение занимали арики — вожди, главари старших и знатных семей; они же выступали и как жрецы. Ниже их был более многочисленный слой рангатира (члены младших ветвей тех же семейно-родственных групп — хапу). Рангатира и составляли основную массу общинников. Расслоение семейно-родовых групп на старшую и младшую ветви еще не успело у маори зайти так далеко, как у тонганцев, потому что земельная собственность еще оставалась здесь общинной. Низший слой общества составляли рабы — военнопленные иноплеменники. Владели ими только вожди — арики, но рабство было патриархальным.

Жители Маркизских островов стояли едва ли намного выше по своему развитию, чем маори. Природа на Маркизских островах сравнительно небогата, осадков выпадает мало, нередки засухи. Земледелие было слабо развито; главной пищей служили плоды хлебного дерева. У маркизцев была столь же резко, как у маори, выражена племенная раздробленность: на о. Нукагива было известно до 20 племен, на Хиваоа — 17, на Фатухива — 6 и т. д. Племена находились между собой то в дружественных, то во враждебных отношениях. Племя делилось на большие патриархальные семьи (рода не было). Земли принадлежали общинам. Внутри патриархальных семей намечался раскол на старшую, более знатную ветвь — «акаики» — и младшую ветвь — «кикино». Между людьми той и другой ветви были строго иерархические отношения (как на Тонга), но резкой грани между ними не было, и все дело было в старшинстве: из детей акаики только один старший — сын или дочь — наследовал его ранг и считался акаики, все другие дети были кикино. Намечалось общественное разделение труда: выделялась группа ремесленников, работавших на заказ. Во главе племен стояли вожди — главы самых крупных семейных общин; некоторые источники называют их «королями», но власть их была невелика. Им принадлежало, однако, преимущественное право распоряжаться землей и ее плодами, и таким образом общинное землевладение шло к упадку. Существовали рабы («ногуа») — военнопленные и их потомки; однако был и обычай приносить пленных в жертву — знак того, что рабство не было развито.

Нечто сходное было и на островах Туамоту. Эти мелкие и довольно скудные острова делились на еще более мелкие округа, где жили независимые друг от друга общины. Земельная собственность была здесь общинной. Главы больших семей собирались на сходки для обсуждения общественных дел, но решали дело вожди. Были случаи выделения и верховных вождей («арики нуи»), но власть их была кратковременной.

Более высокой ступени развития достигло общество самоанцев. Природа Самоа богаче и разнообразнее. Земледелие давало здесь высокие урожаи без большой затраты труда, поэтому уровень земледельческой культуры оставался сравнительно невысоким. Выделилось ремесло: ремесленники работали на заказ, однако имелись — в большей степени, чем на других архипелагах,— и зачатки обмена; роль всеобщего эквивалента начинали играть искусно сплетенные циновки.

Племенные деления у самоанцев исчезли, сменившись чисто территориальными, родовые группы — большими семьями и сельскими общинами. Сельская община была — и доныне остается — важнейшей социальной единицей. Земельная собственность считалась общинной, но фактически ею распоряжался господствующий слой знати — «матаи», распадавшийся на два иерархических ранга: вождей — «алии» и глав семейно-родовых групп — «тула-фале». Рабство на Самоа было более развито, чем на других архипелагах. Рабы — «тангата-тауа» состояли из военнопленных и из захваченных на войне женщин.

На Самоа сохранились, в отличие от Тонга, и следы демократических порядков; общинные советы — фоно, в которых участвовали все свободные

общинники, были местом обсуждения и решения общественных дел, а не только, как на Тонга, формой для опубликования приказов вождей.

Соперничавшие между собой вожди стремились подчинить себе большие округа, целые острова. Дело шло к объединению всего архипелага, как это было и на Тонга, тем более что история обоих архипелагов частично переплеталась: известны факты покорения самоанскими вождями тонганцев и тонганскими — самоанцев. Но большая архаичность общественного строя не давала почвы для прочных объединений.

Как видим, на всех этих архипелагах общественный строй представлял собой во многих отношениях более архаические формы, чем на Тонга. Выше тонганцев по уровню общественного развития стояли таитяне и гавайцы.

На островах Таити земледельческая культура достигла высокого уровня развития; практиковалось искусственное орошение огородов, даже террасовая система полей. Плотность населения была выше, чем на других архипелагах. Племенной строй у таитян был изжит давно,— судя по преданиям, не позже XII в. Острова делились на округа, во главе которых стояли вожди (арии) с наследственной и довольно сильной властью. Общинной земельной собственности у таитян, как и у тонганцев, уже давно не существовало. Земля принадлежала отдельным семьям и прежде всего вождям и знати, частью — свободным общинникам, которые, впрочем, тоже не составляли однородной массы, а делились на свободных и самостоятельных земледельцев — «раатира» и полузависимых держателей — «манагуне». Земли вождей и знати обрабатывались этими держателями и рабами-военнопленными («теу-теу» и «тити»); рабство на Таити было сравнительно развито.

Областные вожди подчинялись верховному вождю всего архипелага, которого источники называют обычно королем. В усилении его власти крупную роль играло жречество, которое на Таити располагало особенно сильным влиянием. Главный вождь («арии нуи»), или король, сам считался священной фигурой не меньше, чем туи-тонга у тонганцев, но, в отличие от последнего, он сохранил в своих руках и светскую власть. Впрочем, прочное объединение всего архипелага было достигнуто лишь в начале XIX в.

Гавайские острова дают нам образец наиболее высокого уровня общественного развития из всей Полинезии. Земледелие было здесь развито более, чем где-либо на других островах. Применялась террасовая система с искусственным орошением, так как дождей выпадает на островах мало. Ремесло было высоко развито. Племенной строй и здесь давно сменился областным делением. Население расслоилось на взаимно замкнутые касты. Основных каст было три: «алии» — вожди и знать; «макааинана» — свободные общинники; «каува» — зависимые, безземельные и бесправные слуги, рабы. Хотя следы общинной земельной собственности сохранялись, но право распоряжения землей принадлежало целиком вождям и знати. Макааинана обрабатывали эту землю и за это должны были отдавать часть урожая вождю и ему же подносить дары разными изделиями. Вожди и знать превратились фактически в эксплуататорский слой, живший на прибавочный продукт, который создавали макааинана и каува. Между кастами не могло быть брачных связей; детей, рождавшихся от случайных связей, неизменно убивали. Между вождями существовали иерархические отношения, порой шла борьба за власть, предания о которой восходят вплоть до XII в. Можно думать, что в ту эпоху и совершился в основном процесс превращения первобытно-общинного строя в раннеклассовый. По преданиям, отдельные вожди еще в XI—XIII вв. пытались объединить весь архипелаг, но позже вернулась пора локальной раздробленности. В XVIII в., перед самым приходом европейцев, вновь усилилась борьба отдельных вождей за объединение — борьба, успешно закончившаяся уже в начале XIX в., когда Камеамеа I, объединив весь архипелаг, основал

династию. Была создана зародышевая форма государства, с оторванным от народа аппаратом принудительной власти в руках вождя-короля.

Итак, мы видим, что общественный строй тонганцев, как он сложился к началу XIX в., при всем своем своеобразии не представлял собой чего-то исключительного: это был лишь один из местных вариантов и в то же время один из этапов того общего процесса превращения первобытно-общинного строя в раннеклассовый строй, другие этапы которого, и более ранние и более поздние, можно наблюдать на разных архипелагах Полинезии. Новозеландские маори, маркизцы, туамотуанцы, самоанцы отстали в своем развитии от тонганцев; таитяне и гавайцы их обогнали.

Общими чертами процесса, представленного в разных локальных вариантах на островах Полинезии, были: постепенный переход от родоплеменных отношений к чисто областным и политическим связям; разложение земельной общины и формирование крупной частной земельной собственности; сосредоточение земли в руках родоплеменной верхушки, т. е. представителей старшей генеалогической ветви семейно-родовых групп; превращение этой родоплеменной знати в господствующий класс; возникновение поземельной и частью личной зависимости прежних общинников-земледельцев от правящей знати; рабство как второстепенная форма классовых отношений, по преимуществу в патриархальной форме; появление аппарата принудительной власти; большие межобластные политические объединения, зародышевые государства.

На островах Тонга процесс распада первобытно-общинных отношений зашел, таким образом, дальше, чем на прочих островах Полинезии; за исключением Таити и Гавайев. Распад племенных связей, разложение общинной земельной собственности и захват земли господствующей верхушкой продвинулись здесь так же далеко, как и на названных только что архипелагах. Но раскол общества на противоположные классы здесь еще не завершился, и между крупной землевладельческой знатью и рядовыми общинниками еще сохранялись традиционные связи, которые у таитян и гавайцев почти исчезли. До образования государства с его принудительной властью дело еще не дошло,— эта ступень развития была достигнута уже в колониальную эпоху.

17

Подведем краткие итоги нашего исследования.

Развитие общественных отношений у тонганцев от первобытно-общинного к классовому строю представляет большой познавательный интерес, потому что этот процесс происходил под действием чисто внутренних причин, почти без внешних влияний. Войны, завоевания играли тут второстепенную роль.

В основе своей процесс этот представлял собой разложение первобытно-общинных родовых отношений. Рост производительных сил в условиях богатой тропической природы приводил к появлению прибавочного продукта, к отделению ремесла от сельского хозяйства и тем самым создавал возможность эксплуатации человека человеком. Отсутствие свободной земли, при очень высокой плотности населения, приводило к борьбе за землю и к захвату ее господствующими группами.

Кто были эти господствующие группы? В исторической и экономической науке этот вопрос, как известно, ставился не раз. Буржуазная экономическая наука издавна выдвигала пошлую теорию «бережливости», которую высмеял еще Маркс [99]. Другая известная теория, фигурировавшая

[99] Маркс иронически резюмирует сущность этой «теории» следующим образом: «В незапамятные времена существовала, с одной стороны, кучка трудолюбивых, разумных и прежде всего бережливых избранников и, с другой стороны, масса лентяев, оборванцев, прокучивавших все, что у них было, и даже больше того... Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних, в конце концов, ничего не осталось для

в литературе, это «теория насилия»; согласно ей, первая форма эксплуатации возникла просто из порабощения человека человеком, из завоевания одного племени другим и пр. Эту грубо упрощенную «теорию» в лице ее главного представителя Дюринга разгромил, как известно, Энгельс («Анти-Дюринг»). Но эту же «теорию насилия» (завоевание как предпосылка древнейших форм эксплуатации) пытались обосновать и некоторые историки-марксисты или считавшие себя марксистами: Карл Каутский, Роза Люксембург. Тонганский материал показывает, по-видимому, иной и наиболее «нормальный» путь выделения господствующей общественной верхушки, захватывавшей в свои руки основные средства производства, т. е. землю. Эта господствующая верхушка — родовая знать. Выделение ее — непосредственное выражение распада родовой общины.

Выделялась старшая генеалогическая ветвь родовой группы. Распадение семейно-родовых групп на старшую и младшую генеалогические ветви — общее явление, прослеживаемое у всех полинезийцев и микронезийцев, хотя не везде в одинаковых формах; оно известно и у многих народов других частей света. Нельзя, разумеется, сводить именно к этому самый процесс разложения родового строя, — такой взгляд был бы грубо механическим пониманием этого сложного процесса. Но одним из его проявлений, отчасти внешним, но особенно наглядным, было именно распадение родовой общины на старшую и младшую ветви. Вероятно, этот процесс начался еще в древности, в пределах существовавшей собственно родовой общины, внутри каждой общины. Но у полинезийцев род, как цельная община, не сохранился; он уже давно, вероятно в ходе расселения по островам, т. е. в I тысячелетии, распался на большие, а местами, как на Тонга, и на малые семьи. Генеалогическое старшинство стало исчисляться между этими отдельными семьями: у самоанцев между большими семьями, у тонганцев — между малыми. Строгое проведение генеалогического майоратного принципа, проникающего и внутрь малой семьи, в ходе поколений приводило к все большему нарастанию дистанции между старшими (родовитыми, благородными, знатными) и младшими (простыми, незнатными) семьями; между ними сохранялась фикция родства, но на деле выделявшаяся «благородная» верхушка превращалась в господствующий класс. Перед нами полная аналогия с выделением эвпатридских фамилий в древней Аттике, патрицианских — в Риме. Основу этого превращения составлял захват земли как основного средства производства выделяющейся аристократической верхушкой; масса населения (рядовые общинники) превращалась в зависимых земледельцев, держателей земли.

Военные столкновения играли в этом процессе, как сказано, весьма подчиненную роль. Даже усиление военных вождей в конце XVIII в., захват ими политической власти, не нарушили общего хода развития. Это усиление лишь привело к политической концентрации власти, но социально-экономическая основа ее оставалась прежней: крупное землевладение знати и поземельная зависимость непосредственных производителей, общинников-крестьян.

Из всего сказанного видно, что общественное развитие на островах Тонга было направлено, в отличие от древних Афин и от Рима, к образованию феодального строя. Рабство не играло существенной роли в этом развитии. Нет прямых и бесспорных указаний источников даже на существование рабов вплоть до начала XIX в. Позже, в годы войн первой половины XIX в., рабы-военнопленные, вероятно, существовали, но и в этот период рабство едва ли имело какое-либо существенное значение.

Следует отметить, что и на других островах Полинезии рабство не до-

продажи, кроме их собственной шкуры. Со времени этого грехопадения ведет свое происхождение бедность широкой массы, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать кроме себя самой, и богатство немногих, которое постоянно растет, хотя они давным-давно перестали работать» (К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 718).

стигало значительного развития, хотя местами — на Новой Зеландии, Таити, Гавайях — рабы были.

Таким образом, можно считать, что, хотя ход разложения родового строя на Тонга во многом напоминает ту классическую форму этого процесса, какую Энгельс отмечал в древних Афинах,— результат процесса в данной конкретной исторической обстановке получился совсем иной: образование не рабовладельческого, а ранне-феодального строя.

Впрочем, многочисленные факты, относящиеся к разным странам и народам (Африка, Центральная Азия, древний Восток и др.), показывают, что ранние стадии развития рабовладельческих и феодальных отношений нередко очень сходны между собой; различить ранне-рабовладельческий уклад от ранне-феодального далеко не всегда возможно.

Впоследствии внутреннее развитие общественного строя на Тонга, развитие товарно-денежных отношений в связи с торговлей с европейцами, политическое объединение островов под властью местной королевской династии, прогрессивные реформы Тубоу I 1860-х годов — все это знаменовало собой постепенное разложение феодального строя и переход к капитализму. Но вмешательство британских колонизаторов во внутренние дела Тонга, в частности реакционные мероприятия министра-миссионера Бекера в 1880-х годах, затормозили естественный ход развития социального строя тонганцев. Реставрация и укрепление власти земельной знати — вот условие сохранения до сих пор на Тонга своеобразной феодальной монархии под британским протекторатом.